

Борисов Т. Н.

**ПОД ВОДОЙ,
В НЕБЕСАХ,
НА ПАРКЕТЕ**

ТОМ 1

Т. Н. Борисов
**Под водой, в небесах,
на паркете. Том 1**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28951292
ISBN 9785448579967*

Аннотация

Сборник рассказов о службе автора в ВМФ СССР и России, его путь от курсанта Высшего военно-морского инженерного училища до вице-адмирала, одного из высших чиновников государства российского. Название книги полностью соответствует его послужному списку. В книге много смешных и трагичных эпизодов, случаев, неизвестных широкой публике, анализ катастроф АПЛ «Комсомолец» и «Курск», описание особенностей работы в Правительстве РФ и Администрации Президента РФ, Главной военной инспекции РФ...

Содержание

Предисловие	5
Ой, и правда восемь!	9
Экзамены в эпоху социалистических соревнований	19
Один черт – офицеры!	38
Тяжело в учении – легко в бою	56
Как я нарушил «Брежневскую» конституцию	71
Когда скорость «стука» превышает скорость звука	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Под водой,
в небесах, на паркете
Том 1**

Т. Н. Борисов

*Моим Родителям,
Моим Учителям,
Моим Единомышленникам
Офицерам России
посвящается.*

© Т. Н. Борисов, 2018

ISBN 978-5-4485-7996-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что заставляет людей браться за перо или садиться за клавиатуру компьютера и делиться своими воспоминаниями со всеми желающими? Трудно сказать. Если исключить явных графоманов, то, очевидно, это желание высказаться, оценить происходившие на их глазах события, так сказать, пост фактум. Возможно – несколько приукрасить или обелить личное участие в них и «застолбить» таким образом свое место в Истории. Каждый человек воспринимает все происходящее субъективно, в зависимости от обстоятельств, степени и уровня своего участия, и под своим углом зрения. Об этом блестяще писал еще Новиков-Прибой в романе «Цусима»: «Одно и то же событие воспринимается совершенно по-разному с капитанского мостика и из кочегарки». Недаром даже существует поговорка: «Врет, как очевидец». В детстве мне запали в память слова адмирала флота Советского Союза Исакова: «Писать мемуары – это оправдываться перед потомками!» Тем не менее и Иван Степанович не удержался и написал сборник великолепных морских рассказов.

Несколько лет назад на дружеской встрече с бывшими сослуживцами, когда после обильного застолья разговор плавно перешел с женщин на политику и ближнюю историю, мне пришлось постоянно вмешиваться в разговор, внося уточ-

нения и поправки, ибо, как участнику отдельных событий в нашей стране, довелось видеть их «изнутри», общаться со многими интересными (и не очень) людьми, наблюдать их поведение в экстремальных ситуациях, видеть их героические и подлые поступки, трусость и благородство, воровство и бескорыстие, словом, жизнь во всех ее проявлениях. Полагаю, что мои комментарии заставили многих присутствующих по-новому взглянуть на те или иные факты из нашего недавнего прошлого. Когда мы уже прощались, подошел знакомый из генерального штаба и попросил опубликовать мои воспоминания: «Потомки, да и наши современники, не поймут нас, офицеров, принимавших присягу и, казалось бы, ничего не сделавших для своей Родины. Напиши обязательно! Пусть народ знает, что не все, кто носит погоны, продажные шкуры!» Тогда я не прислушался к совету старого генерала, но спустя три года меня уговорили написать пару статей для журнала «Военно-исторический архив». После их опубликования выяснилось, что многих интересуют подобные материалы, во всяком случае, в редакцию журнала стали поступать запросы на продолжение серии воспоминаний о тех событиях, которые никогда не освещались прежде нашей прессой, или освещались, так сказать, слишком предвзято. Со временем накопилось несколько десятков статей, серьезных и не очень, но отражающих жизнь в том виде, в каком она представляла передо мной за 32 календарных года службы в рядах сначала советских, а позднее – россий-

ских вооруженных сил. Я прошел путь от курсанта Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского до вице-адмирала. Жизнь сложилась так, что, начав службу на атомных подводных ракетоносцах, после окончания Военно-морской академии им. А. А. Гречко, довелось продолжить ее в научно-исследовательском центре ВМФ, много времени проводить в летающей лаборатории над морем, участвовать в сложнейших научных экспериментах. Был прикомандирован к Центру программных исследований АН СССР. Возглавлял Комитет по проведению подводных работ особого назначения при Правительстве РФ, руководил работами по обследованию затонувшей в Норвежском море на глубине 1685 метров атомной подводной лодки «Комсомолец» и участвовал в разработке уникального проекта ее изоляции прямо на грунте. Служил в Администрации Президента России, возглавлял третью инспекцию Главной военной инспекции РФ, вновь был прикомандирован к Правительству РФ, окончил Российскую академию государственной службы при Президенте РФ, был прикомандирован к Счетной палате РФ, так что название данного сборника рассказов («Под водой, в небесах, на паркете») полностью соответствует моему прохождению службы. Как она проходила, станет ясно из их содержания, могу только добавить, что если читатель найдет для себя в приводимых ниже рассказах хоть что-то новое, интересное, поучительное, если он где-нибудь улыбнется или вознегодует, я буду считать,

что не зря согласился взяться за перо...

Ой, и правда восемь!

Много лет назад, в 1974 году, я учился в Высшем военно-морском инженерном ордена Ленина училище в городе на Неве, колыбели трех революций, Северной Пальмире и прочая, и прочая, то есть в Ленинграде. Город действительно восхищал нас, курсантов, своей красотой, изяществом, историческими памятниками, культурой коренных ленинградцев.

Почему военно-морское училище носило имя сугубо сухопутного человека – председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского – было для нас секретом. Впрочем, никто особо об этом и не задумывался. ВВМИОЛУ им. Ф. Э. Дзержинского, или, как все ее любя называли, Дзержинка, была и остается старейшей кузницей инженерных кадров для российского, затем советского, и вновь российского ВМФ. Тысячи офицеров флота с благодарностью и любовью вспоминают годы, проведенные в ее стенах. За более чем 200 лет своего существования Училище размещалось в различных помещениях, несколько последних десятилетий – в здании Адмиралтейства, одном из символов Ленинграда, пардон, Санкт-Петербурга.

Психология людей довольно забавная штука. Пока город носил имя вождя революции, В. И. Ленина, все упорно именовали его Питером, но как только «историческая справед-

ливость» восторжествовала, и город обрел свое старое имя, его (с не меньшим упорством) стали называть Ленинградом. Психологи, возможно, когда-нибудь объяснят данный феномен неистребимым в народе духом противоречия или другим образом, но к истории, о которой идет речь, название города не имеет ровным счетом никакого отношения.

Другая особенность человеческой психики заключается в том, что со временем из памяти стираются многие малоприятные воспоминания, уступая место хорошим, добрым, забавным эпизодам, фактам, событиям, скрашивающим долгие дни и вечера на старости лет. По всей вероятности, это своего рода предохранительная механизм человеческого организма, ибо, накопив за многие годы жизни огромное количество отрицательных воспоминаний и не менее отрицательных эмоций, люди к концу жизни или впадали бы в черную меланхолию, или начинали мстить за старые обиды, или просто сходили бы с ума, правда, это только в том случае, если им есть с чего сходить, но я опять отвлекся.

Итак, речь пойдет о забавном эпизоде из курсантской жизни, любезно сохраненном моей памятью на протяжении трех десятилетий, хотя, должен признаться, на моем пути за эти годы были и более значимые события. Некоторые имена и фамилии, по понятным причинам, я заменил, но это ни в коей мере не отразится на сути описываемых событий. По ходу повествования мне придется давать некоторые пояснения, ибо иначе современный или (смею надеяться) бу-

дущий читатель не поймет побудительные мотивы тех или иных действующих персонажей.

Теперь представьте себе времена «махрового застоя» (в современной трактовке). Мы дружно строили коммунизм, знали, что от нашего успешного усвоения знаний зависит обороноспособность нашей Родины – Союза Советских Социалистических Республик (поверьте, в те времена это был не пустой звук) – и старались учиться в меру своих сил и способностей, тем более, что у нас был и дополнительный стимул – в случае наличия «хвостов» курсант автоматически лишался увольнения, а в особо тяжелых случаях («завале» сессии) – отпуска.

Сейчас мало кто помнит о социалистическом соревновании, социалистических обязательствах, но в те времена это было святое. Социалистические обязательства курсантов обычно заканчивались вызовом на социалистическое соревнование однокашника из своего или параллельного класса. Не знаю, кого вызывали на социалистическое соревнование командиры рот и начальники факультетов, но и у них были свои стимулы. Роты, в которой набиралось определенное количество отличников, объявлялись отличными. Командир отличной роты получал надбавку в 70 рублей, что при его денежном довольствии около 250—280 рублей было весьма существенно. Соответственно, командиры рот были готовы на все, чтобы улучшить свое материальное положение. Преподаватели, такие же офицеры, как и командиры рот, чу-

десно понимали последних и зачастую были снисходительны к мелким промашкам курсантов, особенно в тех случаях, когда рота имела шансы стать отличной или подтвердить это высокое звание. Были случаи, когда курсанты, явно идущие ко дну на экзамене, объявлялись больными и отправлялись в санчасть. «Заболевшие» исключались из экзаменационной ведомости и могли сдавать «заваленные» предметы после сессии хоть до посинения, на любые оценки: на судьбу отличной роты это уже не влияло. Должен отметить, что эти маленькие «хитрости», как правило, не отражались на качестве подготовки будущих офицеров флота, так как сильнейший профессорско-преподавательский состав Дзержинки делал все возможное, чтобы заинтересовать курсантов своими дисциплинами и передать им необходимые знания в полном объеме. Причем Дзержинка не являлась каким-то исключением из правил – подобные порядки царили практически во всех учебных заведениях Министерства обороны Советского Союза.

Теперь Вы, уважаемый читатель, немного представляете себе обстановку в любом высшем военном училище МО СССР в начале-середине 70-х годов и сможете до конца оценить комизм происшедшего.

Наш 332 класс готовился к сдаче экзамена по иностранному языку. Зубрили правильные и не очень глаголы, времена, специфические выражения, пополняли свой словарный запас. Произношение особо никого не волновало, ибо все

равно никто из нас не имел права общаться с иностранцами, о чем с будущих офицеров заблаговременно взяли подписку. Мы, технари, должны были хорошо знать специальные кораблестроительные термины и уметь делать сложные технические переводы. Понимая, что разговорная речь нам все равно никогда не пригодится, преподаватели нас особо не мучили, пытаясь выработать оксфордский или кембриджский прононс у абсолютно безнадежных в этом плане будущих инженеров. Вследствии вышеперечисленных причин большая часть курсантов с трудом изъяснялась на чудовищном английском, но зато делала прекрасные переводы сложнейших технических текстов. Командир нашей роты, капитан-лейтенант (в то время) Ефим Михайлович Булавкин, был молод, честолюбив, любил курсантов и старался всеми силами поддержать звание отличного подразделения. В сущности, как я теперь понимаю, тогда он был не намного старше нас. Ефим Михайлович часто заходил в каждый из трех классов своей роты, пытался настроить нас на отличную сдачу предмета, хотя, честно говоря, он больше мешал, чем оказывал помощь. В один из таких его заходов в наш класс к Булавкину подошел курсант, назовем его Сашей Петренко, и очень вежливо попросил разрешения обратиться.

Получив разрешение, Саша, глядя прямо в глаза комроты, проникновенно произнес:

– Товарищ командир! Вы меня и мои возможности хорошо знаете. Английский я сдать не смогу. Прошу Вашего раз-

решения не ходить на экзамен. Потом, спустя несколько дней как-нибудь сдам.

Ефим Михайлович, по всей вероятности уже мысленно включивший в свой скромный семейный бюджет надбавку за отличную роту, потерял дар речи. Наконец, обретя способность говорить, он кратко изложил курсанту все, что он думает о нем и о его способностях. Петренко чуть ли не плакал, но стоял на своем: экзамен он сдать не сможет, а посему не будет и пытаться.

Немного успокоившись, Булавкин вспомнил, что Саша при всех своих недостатках очень исполнительный и дисциплинированный курсант, и поступил до гениального просто:

– Курсант Петренко! Приказываю Вам прибыть на экзамен и сдать его!

Приказы в военной организации не обсуждаются, а выполняются, поэтому в ответ последовал молодежавый ответ:

– Есть прибыть на экзамен и сдать его!

И чуть менее бодрым голосом: «Только я его все равно не сдам, товарищ капитан-лейтенант...»

Ефим Михайлович размышлял несколько минут, и озадачил Александра неожиданным вопросом:

– А один билет выучить сможешь?

– Смогу, но ведь их двадцать шесть!

– Это мои проблемы. Выбирай билет.

– Самый легкий – восьмой, но товарищ командир...

– Учи восьмой билет и ни о чем не думай!

– Товарищ командир, но помимо билета задают дополнительные вопросы, я на них не отвечу!

– Дополнительных вопросов не будет! Сдавать пойдешь седьмым по счету, возьмешь билет, который будет лежать сверху. Вопросы есть?

Вопросов не было. Булавкин удалился. Петренко совсем было упал духом, но тут на помощь пришли товарищи. Практически весь ответ на восьмой билет был изложен в транскрипции русскими буквами, Саша с воодушевлением взялся за работу и спустя два дня, к экзамену, довольно бойко мог его воспроизвести.

Наступил судный день. В класс запустили четверых курсантов, они взяли билеты, сели за парты готовиться, а остальных попросили подождать своей очереди в коридоре. Саша заметно нервничал, но держался молодцом: Ефим Михайлович заверил его, что все идет по плану. Наконец, первый сдавший экзамен курсант вышел. Пригласили следующего. Тот бодро постучал в двери и на чистейшем английском с рязанским акцентом произнес:

– Мей ай комин?

Получив разрешение, подошел к столу экзаменационной комиссии.

– Комрад инструктор! Нейвал кадет Поляков! Мей ай тейк тикет?

Взяв билет, Женя внимательно прочитал его и огласил:

– Тикет намбр элевен.

Петренко был потрясен: эти фразы он не учил. Поискав глазами командира роты, Саша робко приблизился к Ефиму Михайловичу и тихо сказал:

– Товарищ командир! Все равно не сдам!

Последовала немая сцена из «Ревизора».

– Ты же готовился! Что произошло?

– Там надо еще что-то говорить, а я не учил. Мы так не договаривались!

– Ребята! – взмолился Булавкин, наконец поняв, о чем идет речь. – Срочно бумагу и ручку! Напишите этому олуху небесному как надо попросить разрешение войти, как представиться, как попросить разрешение взять билет и, наконец, как назвать его номер! Пишите русскими буквами! А Вам, Петренко, я приказываю выучить эти несчастные фразы и сдать экзамен, или я за себя не отвечаю! Ясно?

Получив в ответ дежурное «Есть! Так точно!», командир роты ушел в другой конец коридора, ибо далеко не был уверен в том, что в его роду никто не перенес инфаркт миокарда, а присутствовать при разучивании Александром этих английских фраз было выше его сил.

Первая часть приказания была выполнена быстро. Сложнее оказалось со второй частью: английские фразы упорно не хотели задерживаться в голове бедного курсанта. Саша методично загонял их в подкорку, а они, подлые, вырывались наружу. Он истоиво повторял их одну за другой, бессчетное число раз. Вышел еще один курсант, вошел шестой. Зуб-

режка продолжалась. Наконец наступила очередь Петренко. В момент происшествия я сидел в классе и готовился к ответу, так что все происходило на моих глазах, и я могу изложить последующие события не с чужих слов. Чтобы описать их, необходимо обладать как минимум талантом Николая Васильевича Гоголя, но все же попытаюсь это сделать в меру своих скромных сил и возможностей. Прошу сделать на это скидку и представить себе следующую картину.

Резко распахнувшаяся дверь заставила всех находящихся в классе курсантов и преподавателей вздрогнуть и повернуться лицом ко входу. Петренко со зверским выражением лица и остекленевшими глазами строевым шагом проследовал к столу экзаменационной комиссии. Нечеловеческие усилия продержат в голове вновь заученные фразы те несколько секунд, что требовались для их использования, явственно отражались на его лице. В гробовой тишине звонко отдавались Сашины шаги. Все головы синхронно поворачивались, провожая взглядами его путь на Голгофу. Молча пройдя весь класс почти по диагонали, Петренко встал в полуметре от стола, на котором были разложены билеты. Глядя ясными голубыми глазами прямо в лицо председателя экзаменационной комиссии, он четко произнес:

– Мей ай комин? Комрад инструктор! Нейвал кадет Петренко! Мей ай тайк тикет? Тикет намбр эйт!

Сделав шаг вперед, Саша взял билет и ознакомился с его содержанием. Командир не подвел: вверху билета красова-

лась заветная цифра. Подняв глаза на застывшую в шоке экзаменационную комиссию, он наконец осознал, что назвал номер билета до того, как взял его. Не берусь судить, как повел бы себя я в подобной ситуации, не знаю. Скорее всего, я бы растерялся, стусевался и лишился дара речи. Почти наверняка так же отреагировал бы любой другой нормальный курсант или студент на свете, независимо от специальности, национальности, цвета кожи или вероисповедания. Но не таков был наш Петренко! Невозмутимо подняв глаза на преподавателей, он с неподражаемым простодушием изрек:

– Ой, и правда восемь!

От взрыва хохота в коридоре чуть не вылетели стекла. Преподаватели растерянно моргали и старались не смотреть друг на друга. Те курсанты, которые сидели в классе и готовились к ответам, в том числе и я, давились от сдерживаемого смеха, съезжая под парты. Тогда мы не знали, да и не могли знать модного ныне юмориста Михаила Задорнова, но наша гордость за отечественного курсанта выросла до небес.

Председатель комиссии, желая сохранить лицо, разрядил обстановку:

– Идите готовьтесь...

Стоит ли говорить, что Петренко сдал экзамен успешно, рота подтвердила звание отличной, а капитан-лейтенант Булавкин получил вождевленную прибавку к зарплате?!

Экзамены в эпоху социалистических соревнований

В предыдущей статье я кратко описал порядки, царившие в высших военных учебных заведениях (ВВУЗах) СССР. В частности, к чему приводили попытки проведения социалистического соревнования между факультетами, когда преподаватели профильных кафедр «топили» «чужих» курсантов, обеспечивая победу «своему» факультету. Хотя абсурдность подобных соцсоревнований очевидна, стараниями политотделов они продержались довольно долго, потом то отменялись, то вновь вводились, пока окончательно не канули в Лету. Соцсоревнования между курсантами, насколько мне известно, оставались практически до конца советской власти.

Несколько забавных историй, связанных со сдачей экзаменов в те достопамятные годы, пришли мне на память после неоднократных жалоб офицеров среднего и высшего звена на низкий уровень подготовки нынешних выпускников различных ВВУЗов. Оговорюсь сразу, что я не являюсь большим сторонником отечественной системы подготовки офицеров, как прошлой, так и нынешней. Если раньше нас доводили до бешенства конспектированием первоисточников, изучением абсолютно ненужных в будущем дис-

циплин в ущерб специальным, то в настоящее время, принимая в ВВУЗы довольно посредственных выпускников средних школ (пардон, лицеев) почти без конкурса, преподаватели вынуждены начинать обучение курсантов практически с азов, тратить время и силы на приобретение ими элементарных знаний, которые те недополучили или не стремились получить в детстве и отрочестве, что в итоге приводит к появлению весьма посредственных специалистов военного дела. Экзамены превратились в проформу, хотя и раньше они далеко не полностью отражали истинное положение дел. Ниже приводятся подлинные события, имевшие место в начале 70-х годов в ВВМИОЛУ им. Ф. Э. Дзержинского, которые позволят Вам сделать самостоятельные выводы о качестве оценки знаний.

Одной из сложнейших «общеобязательных» дисциплин в Училище считалась живучесть корабля. Кафедра живучести располагалась на первом факультете, готовившем специалистов по эксплуатации корабельных ядерных энергетических установок. Естественно, и нам, корабелям, слушателям третьего факультета, приходилось изучать живучесть в полном объеме. Наша мезь была ужасной: курсантам первого факультета приходилось зубрить не менее «общеобязательные» теорию корабля и гидродинамику. Пишу «зубрить», ибо досконально изучать теорию корабля и гидродинамику они считали абсолютно бессмысленным занятием и, по большому счету, были правы. Тем не менее учебные программы

есть учебные программы, создавали их не мы, их надо было «проходить», «сдавать», или можно было смело распрощаться с заветными лейтенантскими погонами, кортиком и мечтами о корабельной службе.

Итак, социалистические соревнования между факультетами привели к любопытному феномену: не только курсанты, но и преподаватели и командование училища были вовлечены в некоторую абсурдную по своей сути игру. Все все понимали правильно, но железно выдерживали ее не писанные никем правила. В случае очередного «обострения служебного рвения» у политотдела, лихорадка охватывала не только учебный отдел и командование факультетов, но и ведущие кафедры. Станным образом данные приливы энтузиазма у политработников совпадали с зимними и летними экзаменационными сессиями и очень напоминали весенние и осенние обострения психозов у шизофреников. В экзаменационный период даже заслуженные деятели науки и техники, заслуженные преподаватели, профессора и доктора наук, убеленные сединами капитаны 1 ранга и полковники испытывали некий «творческий зуд» и изыскивали все новые и новые способы выведения «родных» факультетов в лидеры соцсоревнований. Откровенно говоря, не знаю, да никогда и не интересовался, была ли их подобная деятельность абсолютно бескорыстной или нет, но порой казалось, что они настолько вошли в свою роль, что сами свято верят в правоту своего «дела». Иногда это были относительно безобидные

подвохи на экзаменах при оценке знаний «чужих» курсантов. Изредка отдельные преподаватели откровенно «топили» целые классы, обеспечивая победу «своего» факультета, но это было обоюдоострое оружие: расплата противоположной кафедры, как правило, следовала незамедлительно и была ужасной. Один из подобных «поединков» между первым и третьим факультетами произошел в период зимнего «противостояния» 1975 года. Особую остроту моменту придало следующее обстоятельство.

Незадолго до описываемых событий начальником Дзержинки стал контр-адмирал Егоров. Североморец, выпускник командного ВВМУ, всю свою жизнь проведший на командирских мостиках и в штабах различных рангов, он воспринял новое назначение в Высшее военно-морское *инженерное* училище как незаслуженную обиду. Егоров был искренне оскорблен, но вопреки здравому смыслу не хотел понять, что это его последняя должность перед уходом в запас или в отставку, а может быть наоборот, слишком хорошо понимал это, но просто не мог смириться. Так или иначе, но контр-адмирал – строевик стал наводить порядки в старейшем инженерном училище по своему разумению и с энергией, достойной лучшего применения. Нас замучили строевыми смотрами, проверками и приборками. И, конечно, социалистическими соревнованиями. Обстановка в Дзержинке сложилась, мягко говоря, не совсем нормальная.

Первыми военные действия в тот год начали преподаватели кафедры живучести. Получив 5 или 6 «неудов» только в одном классе, корабелы дрогнули. Курсанты ломали головы над тем, как выйти из столь тяжелого положения. Откровенно говоря, всем нам было бы абсолютно безразлично, кто выиграет соцсоревнование, если бы не одно но: проигравший факультет наверняка извели бы в дальнейшем различными проверками и придирками, конспектированием первоисточников марксизма-ленинизма и текущих материалов ЦК КПСС. По всей вероятности, преподавателям 3 факультета также не очень-то улыбалось сидеть дополнительное время в училище. Не берусь утверждать, что преподаватели вступили в «преступный» сговор, но дальнейшие события дают возможность предполагать, что именно так оно и было.

Экзамены на первом факультете принимал начальник кафедры «Теория корабля» капитан 1 ранга – инженер, доктор технических наук, профессор Андрей Иванович Зараев и профессор той же кафедры, не менее титулованный капитан 1 ранга-инженер Николай Петрович Муру. Результат превзошел все наши ожидания: около полутора десятков двоек. Это было уже ЧП с большой буквы. Скорее всего, руководство 1 факультета пожаловалось начальнику Училища на предвзятость руководства ведущей кафедры 3 факультета. Контр-адмирал Егоров вызвал «на ковер» Андрея Ивановича. Зараев заверил начальника, что дело не в предвзятости

преподавателей, а в низкой подготовке курсантов 1 факультета. Более того, Зараев предложил контр-адмиралу лично присутствовать на очередном экзамене по теории корабля на 1 –м факультете, и получил незамедлительное согласие. Егоров со свитой прибыл точно к началу экзамена. Блестящий знаток своего предмета, Зараев обладал тонким чувством юмора и хорошим знанием психологии как курсантов, так и руководства. Первый же курсант, начавший бойко отвечать по билету, был остановлен каким-то невинным вопросом Андрея Ивановича, после чего сбился и был не в состоянии вымолвить больше ни слова. Каждый последующий вопрос еще больше загонял его в ступор. Выдержав эффектную паузу, профессор повернулся к начальнику училища:

– Товарищ адмирал, есть ли у Вас вопросы к курсанту? Нет? Какую оценку прикажете поставить?

Буркнув: «Два», – Егоров весьма выразительно посмотрел на начальника 1 факультета, который в холодной испарине стоял позади адмирала. В течении полутора часов начальник училища лично выставил около десятка двоек курсантам 1 факультета, блестяще загнанным в угол профессором Зараевым. Все было обставлено так, что у присутствующих сложилось полное впечатление об абсолютно доброжелательной, демократичной и, разумеется, совершенно непредвзятой обстановке на экзамене. Лицо Андрея Ивановича излучало неподдельное сострадание и сочувствие к нерадивым курсантам и руководству 1 факультета. Егоров

психанул. Не дожидаясь окончания экзамена, резко встал и, заставив властным движением руки замолчать пытающегося что-то объяснить белого, как мел, начфака-1, повернулся к Зараеву:

– Послезавтра по расписанию теорию корабля сдают Ваши корабли. Я приду! Выводы будем делать после! Не прожайте меня!

Пушечный выстрел захлопнувшейся за адмиралом двери заставил всех вздрогнуть. Настала очередь глотать валокордин капитану 1 ранга В. В. Власову, начальнику 3 факультета. Мы тоже приуныли. Сдавать сложный экзамен в присутствии априори не очень дружелюбно настроенного начальника училища, честно говоря, не улыбалось. На вечер этого дня у нас была назначена консультация к экзамену, проводить которую должен был Андрей Иванович. Зная его пунктуальность, мы собрались загодя, и были крайне удивлены опозданию начальника кафедры. Наконец дверь отворилась, пропуская капитана 1 ранга. Зараев был, как всегда, спокоен, невозмутим и немногословен.

– У меня крайне мало времени, консультация будет короткой, поэтому постарайтесь хорошенько запомнить все, что я Вам сейчас скажу. Вы – корабли. Вы все знаете. На любой вопрос отвечать четко, громко и уверенно. Вопросы есть?

Вопросов, естественно, было много, и мы попытались их задать. Андрей Иванович пресек наши попытки на корню.

– Повторяю еще раз. Вы все знаете! Отвечать на лю-

бой, подчеркиваю, на любой вопрос четко, громко, уверенно и без запинок! Понятно?

– Но, товарищ капитан 1 ранга! Разрешите...

– Не разрешаю! Повторяю в последний раз для особо ода-ренных. На **любые** вопросы отвечать **четко, уверенно, без запинок!** Я сейчас пойду по своим делам, а вы хорошенько поразмыслите над моими словами! До встречи на экзамене!

Зараев вышел. Ни одна, даже самая талантливая театраль-ная труппа не смогла бы сыграть заключительную сцену «Ре-визора» лучше нашего 342 класса в тот момент. Сказать, что мы были в шоке – не сказать ничего. Мы были просто по-трясены. Как разгадать скрытый смысл профессорских слов? Что он имел в виду? Что хотел нам сказать? Он явно что-то пытался нам внушить, дать какую-то установку, как это делали спустя много лет Кашпировский или Алан Чумак.

Почти двухчасовое заседание курсантского «военного со-вета» пришло к единственному напрашивающемуся выводу, как ни невероятен он был: учитывая, что Егоров наверняка не силен в теории корабля, отвечать в его присутствии, как рекомендовал Андрей Иванович – любую ахинею, но без те-ни сомнения в своей правоте. Риск был огромен. Если мы неправильно поняли намек, то нам обеспечен разгром еще более страшный, чем у наших конкурентов. Если, паче чая-ния, адмирал хоть что-то смыслит в теории корабля и раску-сит нашу игру – тоже кранты. Что в лоб, что по лбу. Но де-лать все равно нечего, ничего более умного мы придумать

не смогли.

И вот настал Судный день. Настроение практически у всех было близко к истерическому. Начальник факультета и командир роты были в предфарктном состоянии. Кажется, единственный, кто сохранял в тот день спокойствие, был начальник кафедры теории корабля. Во всяком случае, Андрей Иванович пришел на экзамен в прекрасном расположении духа. Профессор Муру, напротив, был мрачен и задумчив, периодически поглаживал свою бороду, что было верным признаком крайнего раздражения. Ровно в 9:00 появился начальник училища с сопровождающими. Начальник учебного отдела, зам по строевой, зам по АХЧ. С точки зрения знаний теории корабля они опасности также не представляли. Мы вздохнули свободнее. Против ожидания, контр-адмирал был настроен вполне миролюбиво, даже соизволил пошутить, когда дежурный по классу в своем рапорте на нервной почве повысил его в звании до полного адмирала. Экзамен начался. Конечно, первый отвечающий оказался в роли минного прорывателя. Старшина 2-й статьи Кизилев, отличник боевой и политической подготовки, быстро и четко ответил на вопросы билета. Настала очередь дополнительных вопросов. Помня все наши инструкции, Дима отвечал безукоризненно. Точнее, громко и четко, без запинок. Содержание ответов никакого значения не имело, ибо Андрей Иванович одобрительно кивал головой абсолютно на любой ответ, даже не имеющий ничего общего с во-

просом. «Отлично», «Замечательно», «Точно подмечено», короткие, как бы про себя, реплики Зараева воздействовали на подкорку контр-адмирала безошибочно.

– Товарищ контр-адмирал! У меня больше вопросов нет. Будут ли у Вас вопросы?

Вопросов у Егорова не было. Второй, третий и четвертый курсанты также «отстрелялись» без проблем. Зараев одобрительно кивал головой, Николай Петрович Муру, стоя за спиной начальника Училища, краснел, бледнел и нервно тербил свою бороду, порой собирая ее в кулак. Что бы это значило, мы точно сказать не могли, ибо прецедентов на нашей памяти не было, но догадаться было не очень сложно. Вопросы у адмирала, искоса поглядывавшего на Андрея Ивановича, не нашлось. Понимая, что надо хоть как-то вмешаться в учебный процесс и принять личное участие в проверке знаний курсантов, на пятом отвечающем он «созрел» до вопроса. Когда Зараев, не моргнув глазом, выслушал очередной абсолютно бессмысленный ответ моего одноклассника и, утвердительно кивнув, повернулся к Егорову и спросил, есть ли у того вопросы, последний, наконец, решился.

– Товарищ курсант, – начал он откашлявшись – Где Вы проходили практику в этом году?

– На Северном флоте. 4-я Бригада подводных лодок, город Полярный. Подводная лодка 641 проекта Б-31, товарищ контр-адмирал!

– Прекрасно! Тогда ответьте мне на такой вопрос. Когда

на севере полярный день и солнце не заходит за горизонт, когда спускают флаг на корабле?

– В 22:00, товарищ контр-адмирал!

– Можете идти, товарищ курсант. Отлично!

Проверив таким образом наши знания в области теории корабля, с чувством исполненного долга, Егоров встал и направился к выходу, жестом остановив попытку старшего офицера скомандовать «Смирно». Дверь не успела полностью закрыться, и мы отчетливо слышали слова адмирала, обращенные к кому-то из сопровождающих:

– Ну погодите, я покажу им (очевидно имелся в виду 1-й факультет) кузькину мать! Будут знать, как жаловаться! Учиться надо!

Далее шел чисто корабельный набор выражений. К счастью для наших ушей дверь наконец закрылась и отсекала окончание фразы.

В глазах нач кафедры плясали веселые огоньки, и в них можно было прочесть все, что он думал в тот момент об адмирале.

– А теперь начнем экзамен! – привел нас в чувство голос профессора Муру...

Другой, не менее забавный и поучительный случай произошел несколько месяцев спустя, в летнюю сессию, на экзамене по гидродинамике. Принимал экзамен патриарх советской гидродинамики, почетный член восьми зарубежных академий наук, профессор и прочая и прочая, «черный» пол-

ковник Анатолий Николаевич Патрашев. Доктор технических наук в 29 лет, профессор в 32 или 33 года, член-корреспондент АН АЗССР в те же годы, автор многих монографий по прикладной гидравлике и гидродинамике, один из основоположников советской магнитной гидродинамики, Анатолий Николаевич был живой легендой ВМФ СССР еще при жизни. Ко времени описываемых событий ему было далеко за 60, он относился ко всем, без исключения курсантам и офицерам Училища (в основном также его бывшим ученикам) исключительно доброжелательно и по-отечески фамильярно. Патрашев в принципе не признавал субординации, для него не существовало особой разницы между курсантом и адмиралом, он был «классическим» рассеянным профессором, преподавателем, как говорится, от бога. Ходили слухи, которым я лично склонен верить, что Анатолия Николаевича несколько раз в периоды «звездопадов» представляли к присвоению генеральского звания, но каждый раз его откровенные высказывания о коммунистической партии и советском правительстве сводили на нет все усилия его доброжелателей. Как бы то ни было, но лучшего преподавателя мы даже представить себе не могли, да и не желали. Учебник авторов Патрашева, Кивако и Гожия был для корабелов настольной книгой. Анатолий Николаевич Патрашев заслуженно носил почетное у курсантов и офицеров во все времена прозвище «Дед». Оно всегда и везде произносилось только с любовью и уважением и только с большой буквы. Дед

был единственным и неповторимым.

Анатолий Николаевич никогда не требовал от курсантов невозможного. Он чудесно понимал, что его наука в дальнейшем потребуется в лучшем случае одному выпускнику из десятка или даже нескольких десятков нынешних курсантов. Те, кто намеревался в дальнейшем серьезно заниматься наукой, должны были потрудиться основательно, чтобы получить на его экзамене хотя бы «четверку». О большем могли мечтать только те, кто действительно в течении года постоянно занимался гидродинамикой, мыслил нешаблонно и хорошо знал высшую математику, ибо гидродинамика без последней вообще немыслима. Для всех прочих смертных существовал некий «прожиточный минимум» из основных понятий, определений и формул, который был вполне достаточен для получения заветной минимальной положительной оценки. За три-четыре дня до экзамена Патрашев приносил в класс три с половиной листа текста и формул, содержащих все необходимые знания. Большинство курсантов в связи с вышеизложенным заранее ничего не учили, ожидая в виде манны небесной заветные листочки. Даже не очень прилежные ученики способны выучить такой объем информации в отведенные расписанием экзаменов сроки, а среди слушателей Дзержинки тупых субъектов практически не было. Правда, отдельным курсантам отдельные предметы давались с трудом, но зато они, как правило, преуспевали в других дисциплинах.

В отличие от прочих преподавателей, Анатолий Николаевич Патрашев разрешал курсантам пользоваться на экзаменах любыми учебниками и конспектами, справедливо полагая, что если человек не понимает физической сущности процесса, никакие формулы ему не помогут.

Итак, летняя сессия была в разгаре. Ровно за трое суток до экзамена по гидродинамике наш класс получил вожделенные материалы из рук любимого профессора. Большинство курсантов начало их внимательное изучение, другие обложились учебниками и конспектами и продолжили готовиться к штурму хороших и отличных оценок, и только отдельные выдающиеся личности посчитали, что достаточно просто механически зазубрить эти несчастные три с половиной страницы текста, обильно сдобренные основными уравнениями гидродинамики, чтобы своевременно уехать в отпуск. Одним из них был приятный во всех отношениях курсант Александр С. Будучи прагматиком, Александр не собирался получать что-либо выше «государственной» оценки, ибо на диплом с отличием он явно не мог рассчитывать, а надрываться ради неизвестно чего считал ниже своего достоинства. К началу экзамена все три с половиной листа «прожиточного минимума» были им с грехом пополам осилены, и, учитывая тот факт, что Анатолий Николаевич практически никогда не ставил двоек, Александр мог смотреть в будущее с оптимизмом. Он допустил только одну, но роковую ошибку.

Когда начался экзамен и первые шестеро курсантов уже стояли у трех досок в классе, по-братски разделив их пополам и готовясь к ответам, Александр решил использовать свободные минуты для того, чтобы освежить свои знания по гидродинамике. Он еще раз прочитал заветный текст с начала и до конца. Результат превзошел его собственные ожидания. Вместо того, чтобы почувствовать еще большую уверенность в своих силах, Саша с ужасом обнаружил, что даже те немногие знания, которые еще каким-то чудом удерживались в его бедной голове, таинственным образом оттуда частично испарились, а частично перемешались, создав такой винегрет, что извлечь оттуда хоть что-нибудь стоящее было выше его сил. Он запаниковал. Перечитал записи еще раз, что запутало его окончательно.

Наступила очередь Александра. На негнущихся ногах подошел к столу, на котором были разложены экзаменационные билеты. Он был настолько деморализован, что забыл даже представиться, и молча с ужасом смотрел то на билеты, то на Патрашева. Дед, который несмотря на всю свою рассеянность, помнил всех курсантов по именам, поощрительно улыбнулся:

– Саша, бери билет.

Саша взял. Буквы прыгали перед его глазами. В расширенных до предела зрачках не отражалось ровным счетом ничего. Дед понял его состояние:

– Бери другой билет.

Саша просиял, осторожно положил билет на стол и взял другой. Судя по его вмиг остекленевшим глазам и застывшей позе, второй билет он знал немногим лучше предыдущего. Отпуск явно откладывался.

– Анатолий Николаевич! – забеспокоился о сохранности своей надбавки за отличное подразделение командир нашей роты, капитан-лейтенант Ефим Михайлович Булавкин. – Давайте «заболеем» его.

В переводе на общедоступный русский язык эта просьба означала: запись курсанта С. в «Книгу больных», освобождение последнего от экзамена и возможность избежать появления крайне нежелательного «неуда» в экзаменационной ведомости 342 класса, что, в свою очередь, позволяло сохранить роту отличной, а ее командиру сохранить надбавку в 70 рублей к своей более чем скромной, зарплате. **А самое главное – наш класс, наша рота, наш родной третий факультет сохраняли шансы победить в социалистическом соревновании с первым факультетом.**

Курсант С. мог после «чудесного выздоровления» сдавать экзамен вплоть до второго пришествия, получать неограниченное количество двоек, это уже никого не волновало, ибо не шло в зачет. Как правило, в подобных случаях, поступали именно таким образом – технология была отработана – но Дед повел себя неадекватно:

– Фима (это относилось к Булавкину), не мешай! Саша, бери другой билет.

Глаза курсанта вновь приняли осмысленное выражение. Когда до него дошло, что еще не все потеряно, на его лице мелькнуло жалкое подобие улыбки, он судорожным движением бросил ненавистный билет на стол, схватил третий по счету билет и впился в него глазами.

Увы, чуда не произошло. Третий билет был знаком ему ничуть не более двух предыдущих, но, отлично понимая, что брать четвертый уже просто неприлично, Александр, тяжело вздохнув, пошел к доске. Прикрепив, как положено, билет кнопкой к последней и еще раз тяжело вздохнув, он вывел мелом аршинными буквами: «БИЛЕТ №19». На сем его творческий порыв иссяк. Когда, спустя минут 20, Дед в сопровождении изнывающего от дурных предчувствий комроты подошел к Александру, его доску кроме вышеуказанной надписи по-прежнему ничего не украшало.

– Анатолий Николаевич! – взмолился Булавкин – Умоляю! Давайте «заболеем» его.

– Фима! Не мешай! Саша, ты что, совсем ничего не знаешь?

– Анатолий Николаевич! Я учил...

– Нарисуй подводную лодку. Фима! Уйди отсюда! – прикрикнул Дед на пытающегося что-то сказать капитан-лейтенанта.

Саша изобразил на доске нечто напоминающее кривой огурец.

– Так, хорошо. Теперь расставь силы, действующие

на лодку.

Знаний курсанта хватило только на указание массы лодки, силы плавучести, основного гидродинамического сопротивления и упора винтов. На сем и закончил.

Дед искренне расстроился. Саша тоже. Больше всех расстроился Булавкин: какой-то несчастный курсант нагло лишил его заслуженной и уже давно мысленно распределенной надбавки. Надо было спасти положение, и Ефим Михайлович сделал последнюю отчаянную попытку:

– Анатолий Николаевич! Замполит и начфак нас не поймут!

Пропустив крик души комроты мимо ушей, Патрашев обратился непосредственно к виновнику его переживаний:

– Саша! Дай мне честное слово, что никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах ты не будешь заниматься гидродинамикой!

Глаза Саши округлились, он молитвенно сложил руки на груди, казалось, еще чуть-чуть, и он разрыдается.

– Анатолий Николаевич! Даю честное слово! Клянусь Вам! Никогда! В жизни не буду заниматься гидродинамикой! Клянусь! Честное слово! – повторял Саша, еще не веря своему счастью, но интуитивно чувствуя, что ситуация изменяется в его пользу.

Он ел Деда глазами. В них явственно читалось: «Отец родной! Не сомневайся! Вот те крест! В гробу я видел эту гидродинамику! Гори она синим пламенем! В жизни не прибли-

жусь к ней и на пушечный выстрел! Не погуби, дай уехать в отпуск со всеми!»

– Иди, пятерка.

Челюсти отвалились у всех присутствующих на экзамене, без исключения. Только Анатолий Николаевич сохранял олимпийское спокойствие. Первым пришел в себя Александр. Не дожидаясь, пока начальство передумает, он тихо испарился из класса. Вторым опомнился Булавкин:

– Анатолий Николаевич, зачем же Вы так? Не стоит шутить над такими вещами!

– А я и не шучу. На, смотри, – Дед размашисто вывел в экзаменационной ведомости напротив фамилии С. «отлично». Наткнувшись на недоумевающий взгляд командира роты, пояснил:

– Саша для науки не опасен, а тебе и факультету нужна отличная рота. Мне не жалко.

Такое мог позволить себе только Великий Преподаватель. Социалистическое соревнование в том году мы проиграли, и взяли на себя новые, повышенные социалистические обязательства.

На дворе стояло лето 1975 года. Маразм крепчал.

Один черт – офицеры!

В конце 1976 года РПК СН 667Б проекта под командованием контр-адмирала Виктора Павловича Фролова вошел в акваторию завода в городе Полярный. Нам предстояла постанова в крытый док для детального осмотра атомохода и восстановления резинового покрытия корпуса, потрепанного в предыдущих плаваниях. Ходили в моря мы много. Головной ракетоносец второго поколения обкатывал новые технические решения, узлы и агрегаты, оружие и механизмы. Шла напряженная боевая учеба: привыкание личного состава к новейшей технике, ее обкатка, освоение тактики применения супер оружия, доверенного нам государством, демонстрация присутствия в тех или иных районах мирового океана, словом, засиживаться в базе было некогда. По ходу дела всплывали и оперативно устранялись учеными, инженерами и технологами различные недоработки и огрехи, допущенные при спешном проектировании и строительстве этой, без преувеличения, чудо-субмарины. Одним из «больных» мест оказалось резиновое покрытие корпуса. Семисантиметровые резиновые плиты, посаженные на специально разработанный клей, легко отрывались пульсациями давления воды на корпусе при движении атомохода. Впоследствии эта детская болезнь поспешного конструирования была успешно преодолена, но в первые годы подводки возвращались

из автономок как ободранные в брачных играх самцы карпа и других драчливых рыб. Чешуйки – резиновые плиты – оторванные, как правило, с одного конца, топорщились в разные стороны, хлопали по корпусу при движении, многие просто отсутствовали, оторвавшись и отметив путь атомохода этими своеобразными «вешками». Предпоследний выход в море не был исключением. Мы пришли в Полярный зализывать раны. Виктор Павлович ювелирно ввел РПК СН в док. Зазор между створками ворот и корпусом субмарины составлял всего несколько сантиметров. Когда винты подводного крейсера прошли ворота, все облегченно вздохнули. Началось медленное всплытие. Вода нехотя отступала, обнажая округлые борта подводного ракетносца. Спустя несколько часов он предстал перед присутствующими во всем своем величии.

Более 130 метров в длину, около 12 метров в ширину, 18 метров от киля до крыши рубки! Полтора футбольных поля в длину и высота шестиэтажного дома особенно впечатляли стоящих на стапель-палубе людей, независимо от того, видят ли они эту махину впервые или уже неоднократно наблюдали подобное рукотворное чудо. Из всех отверстий, шпигатных решеток, приемных и отливных кингстонов стекала вода, оставляя большие лужи на стапель-палубе дока. Лужи расплзались, сливались в большие озера, уходили через шпигаты за борт. Лодка возвышалась над нами, поражая воображение. Мы знали, что мощь каждой из наших ракет,

выраженная в тротиловом эквиваленте, в полтора-два раза превышает суммарную мощь всех боеприпасов использованных во Второй мировой войне. Умножить эту цифру на количество шахт и приплюсовывать сюда мощность ядерных боеголовок торпед и ракет-торпед, покоящихся в торпедных аппаратах и хищно поблескивающих на стеллажах в торпедном отсеке, уже не хотелось. Человеческое сознание не в силах представить себе в полной мере, что способна натворить одна такая субмарина, конечно, при условии, что ей дадут возможность отстрелять весь свой боезапас, а не отправят на дно прежде... В момент стрельбы атомоход лежит на боевом курсе, двигаясь с ограниченной скоростью, на относительно небольшой глубине, чтобы набегающий поток воды не опрокинул выходящие из шахт ракеты. Это наиболее уязвимый момент, когда АПЛ может стать легкой добычей для противолодочных сил. Наверное, нас хорошо понимают летчики бомбардировочной авиации, вынужденные выдерживать боевой курс под огнем вражеских зениток, не имея возможности применить маневр уклонения до момента сброса своего смертоносного груза.

Так или иначе, громада ракетноносца заняла свое место в крытом доке. Мне пришлось обеспечить функционирование общекорабельных систем. К отливным кингстонам фановой системы присоединили специальные шланги, выведенные в цистерны баржи-грязнухи, ошвартованной рядом с доком. Значительно сложнее оказалось наладить вентиля-

цию АПЛ. Пришлось приподнять примерно на 0,8 метра ПВП – устройство подачи воздуха под водой – некий аналог шнорхеля, применяемого немцами еще в период Второй мировой войны на подводных лодках для забора воздуха с целью обеспечения работы дизелей при нахождении в перископном положении. На головку ПВП надели некий приемный колпак, снабженный гофрированным рукавом, выведенным наружу. Все, вентиляция АПЛ была обеспечена. Включили вентиляторы, и по лодке распространился чудесный морозный воздух. Температура в самом доке между тем поднималась все выше и выше, достигнув вскоре отметки в 45 градусов по Цельсию. Это было необходимое для клейки резинового покрытия условие. За бортом дока было – 16 градусов по Цельсию. Ошалевшие от жары люди периодически выскакивали на пирс, жадно хватая ртом морозный воздух. Выходили прямо в РБ, не обращая внимания на окружающую температуру. Странно, но никто из нас не то что воспаление легких, даже насморка не схватил. Единственно, что было отрадно, так это то, что мы твердо знали: никто нас после 18 часов на заводе задерживать не будет. 18 часов и все – море на замок до 8:00 следующего дня. Мы были свободны! Можно было пойти в гости к друзьям, навестить Дом офицеров, сходить в кинотеатр и, конечно же, в ресторан. Не просто в ресторан, а в **Ресторан**. Именно так, с большой буквы. Это было самое любимое место практически всех офицеров и мичманов, местных и командированных, ученых,

конструкторов и представителей БГАН, местных холостяков и разведенных, одиноких женщин и девиц соответствующего поведения. Надо отдать должное, многие из них могли дать фору современным моделям из самых престижных мировых агентств. Для меня, молодого лейтенанта, все было внове, и я смотрел широко открытыми глазами на этот незнакомый, своеобразный, совершенно неповторимый мир. Хорошо помню свое первое посещение данного заведения, состоявшееся дней через пять после нашей постановки в док.

Мы пришли вдвоем с акустиком с нашей лодки, таким же лейтенантом, как и я, Андреем Смысловым. Было еще относительно рано. Музыка не оглушала, все выглядело весьма пристойно. За соседним столиком сидела молодая женщина. Сказать, что она была красива – ничего не сказать. Идеальная фигурка, точенные ножки, шпильки сантиметров в 12, короткое платье небесного цвета подчеркивало голубизну ее огромных глаз, расположившихся на утонченном, породистом лице. Пушистые каштановые волосы спадали ниже плеч. У нас захватило дух. Удивляло только то, что все, входящие в ресторан, проходят мимо, никто не пытается даже приблизиться к ней, хотя практически все оглядывались. Убедившись, что это чудо природы – не мираж в пустыне, сделали робкую попытку познакомиться. Подойдя к ее столу, мы с Андреем осведомились, можно ли присесть рядом с ней. Взмахнув длинными ресницами, она одарила нас сперва удивленным взглядом, затем грустно улыбнулась,

окончательно очаровав нас ямочками на щеках и подбородке. Покачав головой, она, с нотками превосходства и гордости в голосе, сказала:

– Ребята, вы здесь новички, не теряйте зря время. **Я – беспроблемная!**

Мы, разумеется, ничего не поняли, но страшно смутились, и, рассыпавшись в извинениях, ретировались на ранее занятые позиции. Поглощая закуски в ожидании вторых блюд, мы обсуждали ее слова, пытаюсь разгадать тот глубинный смысл, который она вложила в последнюю фразу. Ничего путного на ум не приходило. Поскольку о лесбиянках в то время мы еще не слышали, а секса в нашей стране не было, я по простоте душевной предположил, что «беспроблемная» она в том смысле, что бесперспективно с ней, как и со всякой порядочной девушкой, знакомиться в ресторане. Андрей, настроенный менее романтично, чем я, считал, что эта красавица, скорее всего, замужем, поэтому, будучи честной женщиной, сразу предупредила, что «подкатываться» к ней бессмысленно. Разрешил наш спор механик, капитан 2 ранга, инженер, присевший за наш столик. Мы обратились к нему как к третьей стороне. Бросив восхищенный взгляд на предмет нашего спора и проглотив слюну, он любезно просветил нас о положении дел на Северном флоте вообще и в данном гарнизоне – в частности. Оказалось, что все намного прозаичнее, чем мы могли себе представить. Жрицы любви, обслуживающие офицеров, делят-

ся на три основные категории: – **однопросветные, двухпросветные и беспросветные**. Дальше все зависит от количества «просветов» на погонах жаждущих любви военнослужащих. **Однопросветные** обслуживали только младший офицерский состав и иногда мичманов. **Двухпросветные** – старший офицерский состав. **Беспросветные**, стоящие на верхней ступени этой своеобразной иерархической пирамиды, ублажали только адмиралов. Мы с Андреем переглянулись и покатались со смеху. Вспомнился Высоцкий:

– Понял я, что в милиции делала моя с первого взгляда любовь!

Недавно я с грустью вспомнил ту красавицу. Прошло более тридцати лет, я уже 13 лет соответствую ее «званию», но увы, больше мы не встречались...

Конечно, я шучу, но все же хотелось бы знать, как сложилась ее судьба. Чем она закончила – адмиральшей или спившейся бомжихой? Впрочем, я отвлекся.

...Ресторан потихоньку заполнялся людьми. Первыми появились наши коллеги – офицеры и мичмана с многоцелевой подводной лодки 671 проекта, носящей гордое имя: «50 лет СССР». Эта был именитый экипаж, гремевший, как и наш, не только по Северному флоту, но и в масштабах ВМФ СССР. Вскоре зал был заполнен, шум постепенно нарастал. Музыка заиграла громче, атмосфера сгущалась на глазах за счет сигаретного дыма и водочного перегара. Наблюдать все это со стороны было довольно забавно. Начались

танцы. Народ веселился как умел. Напитки лились рекой. Фирменные коктейли носили любопытные названия: «Северное сияние», «Полярные зори», «Белый медведь», «Бурый медведь» и т. д. В переводе на нормальный русский язык это означало то или иное сочетание водки, шампанского, коньяка или спирта. Действовали эти пошла сногшибательно – и в прямом, и в переносном смысле. Часам к 22 начались первые выяснения отношений между членами экипажа «50 лет СССР». Что они не поделили между собой – тайна, покрытая мраком, но уже кто-то кому-то предлагал «выйти поговорить», кто-то кого-то крыл на удивление короткими словами, поскольку выговорить более длинные, по всей вероятности, уже не мог... Старшие офицеры с АПЛ, присутствовавшие в ресторане, пытались навести порядок, на время это удавалось, потом выяснения отношений вспыхивали с новой силой. Кого-то выкинули из ресторана, кто-то уже мирно посапывал, уткнувшись лицом в тарелку с салатом, из-под ближайшего к нам стола торчали форменные ботинки. Судя по их неподвижности, хозяин находился в полной «отключке». «Беспросветная» красавица куда-то исчезла... Мне стало противно. Я предложил Андрею покинуть данное заведение, на что он с удовольствием согласился. Мы вышли на свежий воздух. Мороз несколько спал. Стояла замечательная погода. Пушистый снег покрывал буквально все. Снежинки, медленно кружась, оседали на наших погонах и шапках, ложились под ноги, скрипели при ходьбе, сверка-

ли в свете редких фонарей. Людей было мало. Идти на лодку не хотелось, и мы медленно продвигались в сторону завода. Нас обогнали капитан-лейтенанты с нашего РПК СН, Котов и Рубцов. Оба были практически трезвые, в хорошем настроении, шутили и смеялись. Служба у них шла хорошо, оба были на отличном счету, отличники БП и ПП. Красивые, молодые, но уже опытные, перспективные офицеры. Кто мог знать, как изменится жизнь одного из них, буквально через несколько минут?!

...Мимо нас пробежали какие-то незнакомые офицеры и мичмана. Следом еще пара мичманов. Увлеченные разговором, мы с Андреем не обратили на них никакого внимания. Кто-то вдалеке отчаянно ругался матом. На фоне ослепительно белого снега впереди хорошо были видны черные силуэты флотских шинелей. Один человек упал, другой бросился бежать в сторону завода. Подбегали все новые и новые люди во флотской форме, началась общая свалка. Мы ускорили шаг, потом побежали. Представшая перед нами картина была безобразна: десятка два или три офицеров и мичманов из нашего экипажа и экипажа «50 лет СССР» отчаянно мутузили друг друга. Остаться в стороне было невозможно. Все происходящее потом запомнилось плохо. Досталось практически всем. От тяжелых последствий спасла оперативно прибывшая на место драки дежурная рота. Кто ее вызвал и каким образом, осталось за кадром, но вмешательство было своевременным. Люди дрались с остервенением,

понятия не имея из-за чего возникла драка, кто прав, а кто виноват.

Было ясно одно – **Наших бьют!**

Одного этого было достаточно, чтобы пьяные, трезвые и не очень офицеры и мичмана лупили друг друга, причем зачастую и своих, и чужих. Когда прибыла дежурная рота, часть драчунов разбежалась, те, кто не успел или вовремя не сориентировался, оказались на гарнизонной гауптвахте. Разбитые носы, скулы, «фонари» в расчет не принимались. Серьезно (и, как оказалось, совершенно безвинно) пострадавшим оказался капитан-лейтенант с нашего РПК СН, Рубцов. Как показало дальнейшее расследование инцидента военной прокуратурой, драка началась с выяснения отношений между младшими офицерами и мичманами с АПЛ «50 лет СССР». Что они не поделили между собой, установить так и не удалось, поскольку никто из участников свалки так и не вспомнил причины, послужившей детонатором драки между лейтенантами и мичманами передового экипажа. Хронология событий была примерно следующей: первая перепалка и мордобой произошли в гальюне вышеупомянутого ресторана, после чего выяснение отношений продолжилось на улице. Кто-то из старших офицеров разогнал прилично выпивших моряков, однако пара мичманов затаила обиду на весь офицерский корпус в целом. В пьяных мозгах, по всей видимости и так не обремененных лишними извилинами, возник план страшной мести. Времена были про-

стые, бейсбольные биты у нас еще не продавались, поэтому «народным мстителям» пришлось воспользоваться подручными средствами – штакетинами из ближайшего забора. Вооружившись подобным образом, они выскочили на плохо освещенную дорогу. В зыбком свете тусклого фонаря мичмана увидели двух человек в морской форме, мирно идущих в сторону заводской проходной.

– Смотри, офицеры! – крикнул один из них.

– Да вроде это не наши? – усомнился другой, очевидно, более трезвый.

Подобная аргументация, однако, не показалась его сослуживцу убедительной:

– Один черт – офицеры!

Тяжелая штакетина обрушилась на ничего не подозревавшего и, соответственно, не ожидавшего нападения Рубцова. Удар пришелся по лицу. Хрустнули вминаемые внутрь черепа кости основания носа, хрящевая перегородка была раздроблена, мягкие ткани разорваны. Каким-то чудом уцелел глаз, хотя надбровная дуга, принявшая на себя удар, была вмята почти на сантиметр. Сознание покинуло офицера практически мгновенно. Он упал и в дальнейших событиях участия не принимал. Капитан-лейтенант Котов остался один против двух вооруженных дубинами мичманов. Выручили подоспевшие с нашей лодки мичмана, вступившиеся за своих офицеров. Один из нападавших побежал за подкреплением на стоявшую у стенки завода АПЛ... Наши то-

же сбегали за подкреплением. В драку включались все новые лица, возвращающиеся на завод... Дальнейший ход событий вы уже знаете.

ЧП флотского масштаба надо было немедленно замять. Конечно, драки типа «стенка на стенку», то бишь экипаж на экипаж, случались и раньше, но тут дело было не только в этом. Шутка сказать, передрались экипажи двух известнейших атомоходов. Наша лодка была инициатором соцсоревнования на Северном флоте, «50 лет СССР» тоже гремела всю округу. Это уже пахивало крупной политикой. Начальство действовало быстро и решительно, но без особого шума. Никто не был заинтересован в раздувании скандала. Чтобы избежать драк в дальнейшем, АПЛ «50 лет СССР» немедленно выгнали в море и отправили в родную базу, благо доковые работы были на ней уже закончены, и она стояла у стенки. Мы больше никогда не встречались в одном порту, об этом командование флота позаботилось. Следствие было быстрым, а расправа – скорой. Мичман, произнесший сакраментальную фразу и нанесший роковой удар, получил, если мне память не изменяет, семь лет тюремного заключения. Причем прокурор пояснил, что если бы он просто нанес удар, не упоминая офицеров, то срок был бы примерно наполовину меньше. Его приятель – молчун – отделался то ли четырьмя, то ли тремя годами изоляции от общества. Капитан-лейтенант Рубцов, лицо которого было сильно изуродовано, вернулся в строй, но это был уже совершенно другой

человек. Какой-то психологический надлом, произошедший в нем, был замечен невооруженным глазом. Командиры обеих лодок вызывались «наверх», полагаю, не для поощрения. Замполиты получили взыскания по своей линии. Но все делалось тихо, при закрытых дверях. Больше об этом инциденте никто нигде и никогда не упоминал, как будто его и не было...

Конечно, ЧП не нужны ни в одном ведомстве, а тем более в силовой структуре. Доложишь «наверх» о происшествии, так сам первым и пострадаешь. Можно запросто лишиться продвижения по службе, присвоения внеочередного (или очередного) звания, ордена, приуроченного к той или иной юбилейной дате, вылететь из очереди на квартиру, из списков офицеров, направляемых на учебу в ВМА... Список можно продолжить. А сколько удовольствий можно огрести по партийной линии?! Нет уж, лучше молчать как партизан на допросе. Конечно, шило в мешке не утаишь, но тут, во-первых, как повезет, а во-вторых, смотря как сформулировать и доложить. Одно и то же происшествие всегда можно представить по-разному. Доходило до анекдотичных ситуаций. Вспоминается случай с нашим старпомом по боевому управлению, капитаном второго ранга (в то время) Михаилом Михайловичем Киселевым. В один из снежных, морозных, осенних дней он заступил дежурным по нашей 41 дивизии стратегических ракетноносцев в поселке Островная. Накануне вышел приказ о демобилизации, «годки»

во всех экипажах готовились отметить это историческое событие, так что обстановка была приближенная к боевой. Повальные обыски казарм, осуществленные командным составом атомоходов и силами дежурно-вахтенной службы, конечно, подсократили запасы спиртных напитков, приготовленных по столь торжественному поводу, но все хорошо понимали, что конфискованные бутылки и фляги – это лишь верхушка айсберга. Основные припасы остались нетронутыми, и должны были «сработать» в самый неподходящий момент. Готовились все – и «годки», и командный состав РПК СН и АПЛ, стоящих в базе, и командование всех трех дивизий, ОВРа, и командование флотилии, и комендатура...

Попойки начались по-плану. Вначале все шло более ли менее пристойно. К 23 часам в одной из казарм началось громкое выяснение отношений между перепившимися годками. Должен заметить, что экипажи РПК СН размещались в пятиэтажных казармах, по одному на этаж. К счастью Михаила Михайловича, экипаж, о котором идет речь, был дислоцирован на втором этаже. Когда дежурный по дивизии, получив сигнал о ЧП в казарме, прибыл наводить порядок, он застал весьма примечательную картину. Дежурный по команде был обезоружен и заперт в подсобке, офицеры отсутствовали, несколько перепившихся мичманов спало в своих каютах, молодые матросы зашхерились кто куда, а собирающиеся на ДМБ старшины и матросы, изрядно набравшиеся к этому времени, бодро мутузили друг друга. Выяснять,

что послужило конкретной причиной столь бурного проявления радости по поводу вышедшего приказа о ДМБ, Киселев не стал. Он попытался скомандовать «Смирно!», что в данной конкретной ситуации было грубейшей ошибкой, за которую он тут же и поплатился. Залитые водкой и другими спиртосодержащими жидкостями мозги 21-летних пацанов уже не были способны адекватно воспринимать ситуацию, а тем более анализировать ее и просчитывать последствия своих действий. Им было хорошо, очень хорошо, душа требовала подвигов, поэтому такая мелочь, как дежурный по дивизии, была воспринята просто как досадная помеха, которую нужно устранить. Кавторанга мгновенно обезоружили, отобрав его кортик, после чего под громкое улюлюканье зрителей выкинули его со второго этажа в окно. Следом за ним полетел кортик. Михаилу Михайловичу крупно повезло: он воткнулся головой в огромный сугроб под окном казармы и, прорыв довольно длинный ход, благополучно выбрался наружу, не забыв прихватить свое табельное оружие. Последствий для его здоровья этот полет со второго этажа не имел. Порядок в казарме наводила дежурная рота, вызванная им, а дальнейшее расхлебывание ситуации было поручено военной прокуратуре и политотделу. Поднимать шум никто не был заинтересован, поэтому «совет в Филлах» решал только одну проблему – как замять дело? Распитие спиртных напитков, нападение на старшего офицера при исполнении им служебных обязанностей, конфискация

у него оружия, отправка его со второго этажа вниз без лифта и прочая, и прочая. Дело тянуло на несколько десятков лет (в сумме) для мирно собиравшихся на ДМБ старшин и матросов. Но... Ох уж это наше **НО!** Отличная лодка, передовая дивизия, пятно на флотилию... Доклады «наверх», комиссии ГЛАВПУРа, ГШ, МО СССР. Бр-р-р-р, подумать страшно. И все из-за какого-то капитана второго ранга? Ну уж нет! Дудки!

Юристы нашли блестящее решение. Оказалось, что виноват во всем именно пострадавший капитан второго ранга. Отдавая приказание «Смирно!», Михаил Михайлович Киселев, оказывается, не приложил руку к головному убору, грубо нарушив Устав ВС СССР. Это подтвердили несколько «морально пострадавших» годков, которые просто не смогли пережить без нервного потрясения такое вопиющее поведение дежурного по дивизии. На нервной почве у них возникло кратковременное помутнение сознания, в связи с чем они начисто запамятовали, кто, как и в какой последовательности действовал в данной ситуации. Очнулись они только тогда, когда капитан второго ранга «непонятно зачем сиганул со второго этажа в окно». Обеспокоенные столь «неадекватным» поведением последнего, они выглянули в окно, убедились, что он благополучно выкопался из сугроба, и успокоенные и умиротворенные, направились спать... Дабы их не беспокоила в дальнейшем военная прокуратура и для компенсации потерянных в ходе «разбора полетов» нервных кле-

ток, командующим флотилии, вице-адмиралом Коробовым, было принято решение немедленно демобилизовать их и отправить домой с первым же пароходом.

Комментарии, как говорится, излишни...

Каждый из нас, покопавшись в памяти, может припомнить уйму подобных случаев. Начальство на Руси, да и во всем мире, никогда не любили беспокоить плохими вестями. Правда, следует признать, что за прошедшие века есть определенный прогресс: в старые времена гонцам, приносящим дурные вести, грозили гораздо большие неприятности, чем сейчас. Их могли обезглавить, посадить на кол, затоптать конями, могли вырвать язык или залить глотку расплавленным свинцом. Сейчас все намного проще и цивилизованнее. Ну, лишат премии, ну, переведут служить поближе к северному полюсу, ну, лишат звездочки или переместят в очереди на квартиру. Но не смертельно ведь! Так, мелочи жизни, правда, все равно неприятные. Нет уж, лучше пусть начальники пребывают в блаженном неведении. И неважно, кто он – старшина роты или Президент Российской Федерации. Судя по последним телевизионным выступлениям премьер-министра России, Владимира Владимировича Путина, он, будучи Президентом России, тоже получал тщательно дозированную и отретушированную информацию о положении дел в стране. Сейчас, на несколько более низком уровне, столкнувшись с реалиями нашей жизни, он кажется удивленным и озадаченным, ведь восемь лет его

убеждали в том, что все идет превосходно. Понятно, что чиновники из ближайшего окружения, среди которых, кстати, много офицеров, стараясь не портить настроение главе государства и главнокомандующему в одном лице, всегда исходили только из интересов последнего (не забывая и о собственной безопасности), и их действия были вызваны только благими намерениями, но куда вымощена дорога последними, всем известно, так же, как и то, что получилось в результате...

Остается надеяться, что нынешний президент России, Дмитрий Анатольевич Медведев, будет получать достоверную информацию, дабы иметь возможность принимать правильные и своевременные решения.

Честь имею!

Тяжело в учении – легко в бою (или кое-что о технике безопасности)

Начало февраля 1977 года я, молодой лейтенант-инженер флота, встретил в общежитии Высших офицерских классов ВМФ в славном граде имени В. И. Ленина. К этому моменту я уже давно сдал все зачеты на самостоятельное управление группой, дивизионом живучести и дежурство по кораблю, несколько раз сходил в море, успешно «закрывал» зачетный листок на допуск к управлению БЧ-5 и чувствовал себя на РПК СН 667-Б проекта если не как рыба в воде, то достаточно уверенно. Последнему обстоятельству поспособствовало и то, что, оказавшись пару раз в аварийной обстановке, я не потерял голову, а своими грамотными и своевременными действиями сумел предотвратить развитие аварии. Конечно, я хорошо понимал, что в первую очередь это заслуга моих замечательных преподавателей и наставников, вложивших в нас не только свои знания, но и свои души, но мне все же было приятно, когда на разборе «полетов» в мой адрес прозвучало несколько теплых слов из уст очень уважаемого мною флагмеха 41-й дивизии стратегических ракетносцев, капитана 1 ранга Николая Григорьевича Криницкого. Я попал в поле зрения этого замечательного человека, давшие-

го путевку в жизнь сотням молодых офицеров, что и послужило началом моей флотской карьеры. Николай Григорьевич чудесно понимал, что при всей моей подготовке (чем я был полностью обязан блестящему профессорско-преподавательскому составу Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского и моим старшим товарищам с К-279), я – всего лишь, возможно и перспективный, но – полуфабрикат, который требует серьезной доработки. Флагмех с дальним прицелом принял решение направить меня на вышеупомянутые специальные аварийно-спасательные курсы при Высших офицерских классах ВМФ. Таким образом я и оказался в холодном, заснеженном Ленинграде в начале февраля 1977 года.

64 офицера со всех флотов с инженерным образованием приступили к занятиям. Контингент был разношерстный. От лейтенанта до капитана 2 ранга. От 23-х до 42-х лет. От искренне желающих получить дополнительные знания, столь необходимые в дальнейшей службе, до столь же искренне желающих отдохнуть на протяжении нескольких месяцев от опостылевшей и совершенно бесперспективной службы. Все зависело от флагмехов. Некоторые, такие, как Криницкий, посылали молодых перспективных офицеров, планируя в дальнейшем продвигать их по служебной лестнице, другие откровенно решили хоть на три-четыре месяца избавиться от местных алкашей. Каждый решал свои задачи как умел...

Нас разбили на восьмерки. Постарались собрать подводников в одни группы, надводников – в другие, так сказать, разделили по интересам. В группе, в которой оказался я, были собраны подводники, старые морские волки – один капитан 2 ранга, 6 капитанов 3 ранга, и один салага – лейтенант. Стоит ли уточнять, что этим последним был я?

Занятия были хорошо поставлены и продуманы. Могу не кривя душой сказать, что и преподаватели, и руководители курсов делали все от них зависящее, чтобы за относительно небольшой срок обучения вложить максимум знаний в головы своих слушателей. Они преуспели в этом своем стремлении настолько, что по вечерам мы едва добравшись до своего общежития, просто «отключались», продолжая вздрагивать и вскрикивать во сне, когда нам снились отдельные статьи РБЖ ПЛ (Руководство по борьбе за живучесть ПЛ), ПУАБа (Правила по уходу за аккумуляторными батареями) или других специальных инструкций и наставлений. Нас учили всему – от борьбы с крупными корабельными пожарами и поступлением воды внутрь прочного корпуса ПЛ до действий в условиях отключения электроснабжения, освещения (включая аварийное), учили резке и сварке на воздухе и под водой, и еще многому другому, словом, всему, что может пригодиться в непростой жизни подводника.

Практические отработки шли на базе 40 НИИ МО СССР, по-простецки – НИИ-АСС (Аварийно-спасательной службы). Курс по борьбе с крупными корабельными пожарами

вел капитан 2 ранга Недвецкий. После успешной сдачи зачетов по теории вопроса нас вывезли «на природу» для закрепления знаний на практике. Стояла студеная погода. Градусник с утра показывал —16 градусов по Цельсию. Мы зябко ежились от холода и кутались в свои шинели, сидя на длинных деревянных скамьях в промерзшем бараке. Недвецкий, проводивший занятия, казалось, не замечал холода, хотя был в одной тужурке. Выглядел он очень торжественно в парадной офицерской форме с золотыми погонами, золотым шитьем на лацканах тужурки и с четырьмя широкими шевронами на каждом рукаве. Лицо Недвецкого просто сияло. Мы все уже были в курсе, что после занятий он с супругой идет на премьеру модной постановки в Мариинский театр, времени – в обрез, поэтому он и был вынужден надеть парадную форму, чтобы сэкономить несколько драгоценных минут на переодевании. Занятия шли в быстром темпе. Кавторанг быстро повторил нам правила обращения и устройство новейшего по тем временам аэрозольного огнетушителя ОА-5, после чего разбил нас на восьмерки и предложил первым счастливым приготовиться. Я оказался среди избранных. Щелкая зубами от холода, мы без особого энтузиазма переоделись в РБ (робы) и разобрали пластиковые строительные каски. Старший нашей восьмерки, капитан 2 ранга, попробовал приподнять сияющий свежей краской огнетушитель. По всей вероятности, ОА-5 оказался значительно тяжелее, чем он предполагал. Крякнув, капдва поставил его

на палубу:

– Сколько же он весит? Пи-пи-пи-и-и...

(Беру пример с телевидения).

– 17 килограммов.

– Лейтенант, – (это мне), – бери!

Я с трудом оторвал это чудо передовой технической мысли от дощатого настила. Действительно, тяжеловат! Делать нечего, я поплелся вслед за товарищами на мороз к макету корабельного помещения, о котором надо сказать отдельно.

Это было, как сейчас говорят, отдельно стоящее сооружение, примерно 5 x 5 метров, сваренное из стальных листов, имеющее пару иллюминаторов и пару дверей, расположенных на противоположных переборках. Строение утопало в снегу. Мы гуськом, вслед за Недвецким, прокладывающим тропу в щегольской шинели, фуражке и белом шарфе, приблизились к нему на несколько шагов. Аркадий Владимирович огромным ключом открыл амбарный замок на обращенной в нашу сторону двери. Распахнув ее, он широким жестом предложил нашей восьмерке проследовать в промерзшее нутро этой комнаты пыток. В сумраке камеры проглядывались очертания корабельных насосов, распределительных щитов и прочего судового оборудования, изображавшего насыщение отсека. Надо сказать, создатели тренажера потрудились на славу: отсек действительно здорово напоминал помещение крупного надводного корабля. Для имитации отсека подводной лодки он был непозволительно просторен.

Мы топтались на месте, вытягивая шеи в тщетной попытке рассмотреть что-либо внутри этого железного ящика. Никто не желал проявлять героизм и лезть внутрь первым.

– Ну что же вы! Заходите! – Недвецкий отчаянно тер ухо, пытаясь не допустить обморожения. Фуражка смотрелась красиво, но абсолютно не спасала от холода.

– Но, товарищ капитан 2 ранга, – попробовал применить свои теоретические знания на практике кто-то из офицеров, – по-моему, положено при проведении подобных тренировок открывать вторую дверь и раскатывать пожарные рукава на всякий случай, вдруг огнетушитель не работает...

– Умница! – саркастически отреагировал Недвецкий – Считай, что теорию сдал! ОА-5 не работает? Пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и! Вторую дверь открыть? А теплый галюн рядом не оборудовать? Додумался! Видишь, у меня ключа от нее нет, где же я его сейчас буду искать? Ладно, не бойсь! Огнетушитель – зверь! Моргнуть не успеете, как пламя будет ликвидировано! Что же касается рукавов, то поймите сами: мороз, они же потрескаются! Кто потом их будет списывать? Ты? То-то! Вперед и с песнями!

После такой пламенной речи преподавателя возражать и настаивать на соблюдении предписанных руководящими документами правил техники безопасности, было как-то неудобно. Мы молча полезли во чрево преисподней. Внутри было еще холоднее, чем снаружи. Пар, вырывающийся при дыхании, оседал в виде кристалликов льда на РБ, на каски,

на новенький ОА-5. Меня, да и всех нас, колотила крупная дрожь. Никто и не предполагал, как жарко нам всем станет всего через несколько коротких минут...

– Отойдите подальше от двери! – Недвецкий попятился от входа на десяток шагов.

Мы все машинально выполнили команду, сгрудившись у противоположной входу переборки. Надо отдать должное пиротехникам, готовившим камеру к занятиям, – пороху они не пожалели. Оглушительный взрыв в районе входной двери, предваряемый ослепительной вспышкой, потряс сооружение. Его эхо заметалось между переборками, механизмами, судовым оборудованием и нами, затухая, возвращаясь, и вновь пропадая где-то под подволоком. Мы оглохли и ослепли на несколько секунд. Когда глаза понемногу вновь обрели способность видеть, языки пламени уже лизали проем входа, медленно, словно нехотя, пробираясь вслед за разливающимся соляром в нашу сторону. От них кверху поднимались клубы совершенно черного дыма. Я стоял с огнетушителем в руках и как замороженный смотрел на эту сцену. Из задумчивости меня вывел мощный пинок в – как бы это поделикатнее сказать... – словом, в корму пониже ватерлинии, надеюсь, читатели поняли. Капдва, старший нашей группы, был взбешен:

– Тебе что, особое приглашение требуется? Туши, пи, пи, пи-и-и-и-и-и-и!

Я приподнял ОА-5, взялся за вентиль.

– Не смей! Пусть разгорится! – фигура Недвецкого смотрелась слегка искаженно сквозь языки пламени.

– Туши!

– Не смей!

– Туши!!!

К этому времени языки пламени уже полностью скрыли дверной проем и с ревом стали заворачиваться к подволоку. Густой черный дым, собравшийся вверху помещения, заставил нас пригнуть головы. Пользуясь тем, что нас уже не видно и преподаватель не сможет оценить моих действий, я приподнял огнетушитель и резко отвернул головку вентиля. П слышалось легкое шипение. Раструб ОА-5 выбросил небольшое облачко аэрозоли и... сдох. Я потряс баллоном, все еще надеясь на чудо. Увы, чуда не произошло. ОА-5 умолк навеки. Это стало понятно. Непонятно было другое – что нам всем делать дальше. Нестерпимый жар загнал нас в дальний угол. Единственный выход был отрезан стеной пламени. Едкий дым поставил нас на колени в буквальном смысле этого слова: выше дышать было уже нечем. Рассчитывать на помощь извне было по меньшей мере глупо – пока наши товарищи сбегали бы за другим огнетушителем, мы были бы уже кремированы живьем. Головы оказавшихся в огненной западне офицеров работали с предельной скоростью: в наши планы не входило ни сгорать заживо, ни задыхаться в дыму. Единственным плюсом в нашем положении было то, что мы к этому моменту полностью забыли о морозе. Об-

морожение или даже банальная простуда нам явно не угрожали. Положа руку на сердце, никто из нас в тот момент не имел бы ничего против того, чтобы оказаться на морозе. Гул пламени в тесной железной коробке вызывал мурашки на коже. В остальном внутри было тихо, как в могиле. Снаружи, напротив, раздавались вопли капитана 2 ранга Недвецкого, отчаянно призывавшего нас немедленно воспользоваться чудом современной техники. Увы, как говорится, сами были бы рады, но...

Первым опомнился старший нашей группы. Старый морской волк, механик с ПЛ, побывавший в своей жизни в разных ситуациях, капдва коротко бросил нам:

– Делай как я!

Набросив полы куртки на голову и пригнувшись почти до палубы, он метнулся сквозь пламя к спасительному проему выхода. Надо отдать должное всем офицерам – никто не запаниковал, не попытался спасти свою драгоценную шкуру первым. Мы молча, по очереди, выскочили сквозь бушующее пламя на площадку перед тренажером. «Очередь» образовалась стихийно – в зависимости от близости нахождения к выходу.

Я оказался шестым. И последним, кто отделался легким испугом, без ожогов. Следом за мной выскочили два капитана 3 ранга, которым повезло значительно меньше: у одного пламя опалило кисти обеих рук, у другого в добавок к рукам пострадала и шея – он плохо прижал полы куртки к те-

ду. Все мы хорошенько наглотались дыма. Выскочив на волю, мы дружно повалились в снег, и, как по команде, оглянулись. Картина, представшая перед нашим взором, навсегда врезалась мне в память. На фоне темнеющего на глазах неба чернела коробка пожарного тренажера. Внутри плясали огненные языки. Форс пламени с ревом вырывался из проема входной двери и заворачивался примерно на метр к выступившей молодой луне. Туда же устремлялся и столб черного-пречерного дыма. Только теперь нам стало по-настоящему страшно. Мы сидели прямо на снегу и отчаянно кашляли, казалось, наши легкие, возмущенные тем, что их заставили усваивать кислород из какой-то адской раскаленной смеси воздуха и продуктов сгорания соляра, просто пытаются выбраться наружу через широко открытые рты. Простите за подробности, но мы постоянно отплеивали сгустки черной от сажи мокроты, вырывавшейся из самых отдаленных уголков легких. Никто из нас более не ощущал мороза. Напротив, всем было жарко, хотя тела и сотрясала крупная дрожь. О том, что могло с нами случиться всего пару минут назад, мы старались не думать, просто молча смотрели, как выгорают остатки топлива в камере, чуть не ставшей нашей братской могилой. Наши сокурсники угрюмо молчали. То, что произошло на их глазах, в комментариях не нуждалось. Полнейшая безответственность одного человека и грубейшее нарушение им правил техники безопасности едва не привели к трагедии. Сам «виновник торжества», белый как полотно,

носился кругами между офицерами и догорающей УТС. Руки у него тряслись, а с губ слетали нечленораздельные слова. Раз за разом Недвецкий пересчитывал всех, кто выскок из огненной ловушки. Восемь! Восемь!!! Он только что счастливо избежал уголовной ответственности, но это еще не означало, что ее вообще не наступит. Вид у Аркадия Владимировича в тот момент был далеко не бравый...

Немного прокашлявшись, почувствовал, что моя левая рука что-то судорожно сжимает. Переведя взгляд на нее, я обнаружил, что это присной памяти суперсовременный ОА-5, едва не угробивший нашу группу. Зачем я не бросил его в том аду, а потащил за собой сквозь стену огня, хоть убейте – по сей день не знаю. Огнетушитель в моей руке заметил и Недвецкий. Он радостно схватил его, но оторвать мои пальцы было не так-то просто. Рука явно не желала расставаться с 17-килограммовым грузом. Пальцы не хотели разжиматься, их пришлось отгибать по одному. Прощтрафившийся преподаватель схватил огнетушитель и сломя голову бросился в учебный центр. Его никто не задерживал...

Обожженные товарищи приложили к своим пострадавшим местам снег и вместе с нами молча наблюдали, как догорает огонь в железном ящике. Правда, «молча» – это не совсем верно. Мы все, как я уже упоминал, отчаянно кашляли на разные лады, словно подхватили коклюш. Мороза по-прежнему никто не ощущал. Внезапно перед нами возник-

ла фигура Недвецкого с ОА-5 в руках. На белом, мертвом от пережитого страха лице, сияла улыбка, точнее гримаса, которую с натяжкой можно было принять за улыбку:

– Вот! Нашел! Оказывается, просто воздуха в пальчиковом баллоне не оказалось! Нечем было распылять фреон. Я заправил, можно попробовать еще раз!

Никто не произнес ни слова. Мы с интересом смотрели на своего преподавателя. Не знаю, что отражалось на наших лицах, кроме отблесков догорающего пламени, но он все понял правильно. Губы его дрожали, но, собрав остатки собственного достоинства, Аркадий Владимирович попытался как можно беспечнее сказать:

– Ну что ж, я не настаиваю, отдохайте. Зачеты сдадите в следующий раз! Вторая группа – приготовиться!

Мороз таки достал нас. Мы встали и побрели переодеваться и зализывать свои раны. Из окна учебного класса, клацая зубами и натягивая шинели, мы наблюдали, как словно по мановению волшебной палочки появились ключи от второй двери этой железной будки, как несмотря на мороз раскатывали пожарные рукава и как нашей второй группе выдавали каски с пластиковыми забралами. Значит, можно, если хочется!

Ребята из второй группы поступили разумнее нас. Они не давали пламени разгораться, а тушили его прямо в зародыше. Чужой опыт тоже чего-нибудь да стоит! Надо отметить, что и Недвецкий не настаивал на том, чтобы дать пла-

мени разгореться... Оработка прошла успешно. Аркадию Владимировичу повезло во второй раз: среди нас (включая и потерпевших) не оказалось ни одного склочного человека, который жаждал бы крови. Никто и не подумал жаловаться по инстанции, так что Недвецкий отделался испугом и опозданием на премьеру спектакля, за что, думается, он получил сполна от супруги...

Занятия продолжались. Нашей восьмерке, несмотря на то, что все правила техники безопасности теперь соблюдались неукоснительно, а огнетушители проверялись по несколько раз, официально проставили зачеты и разрешили более не принимать участие в тренировках. Честно говоря, сначала мы все обрадовались – уж слишком велик был пережитый стресс. С интересом наблюдали, как наши товарищи суетливо кидались тушить первые языки пламени, как некоторые сразу выскакивали через противоположные двери из камеры «крематория», как мы для себя называли УТС. Спустя три недели мы поняли одну простую истину: если мы не переломим себя и вновь не пройдем через эту камеру, у нас навсегда останется страх перед пожаром на корабле или, что еще хуже, на подводной лодке. Надо было видеть глаза Аркадия Владимировича, когда вся наша великолепная восьмерка подошла к нему на очередных занятиях по противопожарной подготовке с просьбой допустить нас до тренировок. Он был явно растроган и смущен. Лично проверил огнетушитель, нашу экипировку и сказал редкие для 1977 года

слова: «Ну, с Богом!»

Конечно, он, как и все мы, вряд ли верил в бога, но 1000 лет православия на Руси прорвались откуда-то из генетического наследия предков. С богом! ОА-5 уже привычно оттянул мне руку. На этот раз пиротехнический эффект был значительно слабее. Взрыва, как такового, не последовало. Был небольшой хлопок, после чего весело заплясали язычки пламени. День был солнечный, и их почти не было видно, но густой дым начал заполнять пространство под подолоком. Сознание того, что задняя дверь открыта, а стоящие наготове с пожарными рукавами товарищи не дадут сгореть заживо, позволило собрать волю в кулак и ждать, пока пламя разгорится. Очевидно, мои товарищи испытывали те же чувства, поскольку меня на этот раз никто не подталкивал и не понукал. Снаружи тоже молчали.

Стена пламени отгородила нас от входа. Когда стало припекать, я

резким поворотом вентиля привел огнетушитель в действие. Аэрозольное облако из мельчайших частиц распыленного воздухом высокого давления фреона метнулось навстречу огню. На наших глазах свершилось чудо: пламя резко осело, заметалось по палубе и сгнуло, словно его и не было. Честно говоря, ничего более эффективного из средств пожаротушения мне не доводилось видеть ни до, ни после того памятного дня. Так состоялось наше знакомство с новой техникой. Но основной выигрыш заключался в том, что

мы преодолели сами себя, свой вполне естественный страх перед стихией огня, что дважды пригодилось мне в моей последующей службе на АПЛ, и позволило не потерять голову при реальных возгораниях. Я уже верил в нашу технику и, самое главное, в свои силы.

Другим, не менее важным выводом, сделанным мною после данного инцидента, было твердое убеждение в необходимости неукоснительного соблюдения наставлений, инструкций, статей Устава и правил техники безопасности. Дежурные слова наших преподавателей о том, что каждая статья, каждый параграф, каждое правило писаны человеческой кровью, приобрели для меня совершенно конкретное значение, и я пытался донести это свое личное «открытие» до своих коллег, подчиненных и учеников всю свою жизнь, не доводя до того, чтобы они познали это на собственном печальном опыте. Судя по тому, что в моей практике и практике моих учеников несчастных случаев не было, мне это удалось, за что большое спасибо капитану 2 ранга Недвецкому и незаряженному огнетушителю ОА-5.

Как я нарушил «Брежневскую» конституцию

Адмирал Федор Соймонов вице-канцлеру сената Остерману в 1736 году писал:

– Флот уже погиб от засилья бумажек разных. Ни людей, ни кораблей, ни дел героических. Одни бумажки над мачтами порхают. Неслыханное дело приключилось: канцелярия противу флота на abordаж поперлась и флот она победила.

Спустя 241 год в Советском Союзе была принята так называемая «Брежневская» Конституция, по фамилии Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, царствующего в то время. Можно долго спорить о ее достоинствах и недостатках, превозносить ее или хулить, рассуждать о том, чего она принесла больше – пользы или вреда, но я этого делать не собираюсь. Старые кадры, еще помнящие, о чем в ней шла речь, в любом случае останутся при своем мнении, причем разделятся на две группы, придерживающиеся диаметрально противоположных точек зрения примерно поровну, молодым та конституция просто неизвестна, да и неинтересна, впрочем, как и ныне действующая. Если сейчас остановить на улице сотню первых попавшихся молодых людей и девушек, то я лично буду весьма при-

ятно удивлен, если хоть десять из них сможет вразумительно ответить на элементарные вопросы по Основному закону Российской Федерации, зато 90 оставшихся наверняка будут знать большинство «артистов» из последней выпечки «Фабрики звезд». Поверьте, что это не брюзжание старого адмирала, а результат многолетних наблюдений, тем более что мне пока всего лишь 51 год, и старческим маразмом, смею надеяться, еще не страдаю.

Но вернемся к далекому 1977 году. Наш РПК СН (ракетный подводный крейсер стратегического назначения) успешно сдал положенные задачи, пришел с моря и ошвартовался у плавпирса мощнейшей базы Северного флота (в то время) Гремихи, точнее – Островной. Каждый занялся своим делом. Механики расхоложивали реакторы, командир и командиры боевых частей отправились в штаб дивизии докладывать о результатах, старпомы правили бал на борту, а замполит побежал за ЦУ (ценными указаниями) к начпо (начальнику политотдела) дивизии. Следующий день, воскресенье, пролетел незаметно, и в понедельник с утра весь личный состав экипажа (за исключением вахты, находящейся на борту субмарины) собрался в казарме на политзанятия. О, это было святое. Оправданием отсутствующему на политзанятиях в те годы, как любили говорить командиры-коммунисты в фильмах о Великой Отечественной войне, могла служить лишь его собственная смерть (я не шучу!).

Итак, мы собрались в казарме. С последним писком

сигнала точного времени появился замполит. Выглядел он очень торжественно.

– Товарищи подводники! Мне выпала великая честь доложить вам о том, что в нашей стране только что принята новая конституция – Основной закон Союза Советских Социалистических Республик! Это значит, что мы еще уверенней пойдем к нашей цели – коммунизму!..

Дальше я, каюсь, отключился, размышляя о более приземленных вещах: где найти прокладки для насосов общесудовой гидравлики, кому поручить съездить на склад за ЗИПом и АСИ и, главное, что делать с компрессорщиком первого отсека мичманом Мироновым, ушедшим в очередной глухой запой. Поток моих мыслей тек параллельно журчанию монолога замполита, не пересекаясь с последним, но где-то на уровне подсознания я, очевидно, все же отслеживал его, ибо две последние фразы капитана 3 ранга повергли меня в шок:

– К следующему занятию законспектировать конституцию. Вопросы есть?

Я недоуменно огляделся, наивно полагая, что ослышался, но квадратные глаза моих товарищей подсказали, что смысл фразы дошел до моего сознания без искажений. Стояла гробовая тишина.

– Вопросы есть? – замполит явно был доволен собой.

– Есть! Конституция – это закон, где каждое слово, каждая запятая, каждая точка строго выверены и утверждены.

Как же ее конспектировать? Ее следует только переписывать слово в слово. Любое сокращение может непреднамеренно исказить смысл, будут неприятности...

– Мое дело приказать, а как сделать так, чтобы не было неприятностей – ваша забота. Вопросы есть? – перебил меня замполит.

«Ладно, сейчас заботы будут у тебя», – решил я про себя. Дождавшись перерыва, перешел дорогу и поднялся в штаб дивизии. Начпо, капитан 1 ранга был у себя. Учитывая его доброжелательное отношение ко мне, я мог позволить себе неуставное обращение:

– Разрешите войти, Виктор Иванович? Можно задать личный вопрос?

Величавый кивок.

– Как правильно конспектировать конституцию?

Я постарался придать своему лицу самое невинное выражение, прикинулся, как говорят на флоте, шлангом. Брови начпо резко поползли вверх, глаза же – округлились.

– Ты что, после вчерашнего не отошел? – он был явно обескуражен.

– Так я же вообще не пью, Вам это хорошо известно, Виктор Иванович. Замполит приказал законспектировать, а как это правильно сделать – не поясняет.

Шланг свернулся в бухточку.

Пауза затягивалась. Я «ел» начпо глазами.

– Это он малость погорячился, – принял решение капе-

ранг – Скажи замполиту, пусть немедленно зайдет ко мне.

Бросив радостно: «Есть!», – я, предвкушая бесплатное развлечение, побежал в казарму. Вызов начпо с политзанятий не предвещал ничего хорошего, и замполит явно растерялся. Вернулся он спустя примерно четверть часа в весьма расстроенных чувствах. Щеки его пылали. Проходя мимо меня, он прошипел сквозь зубы:

– Ты еще вспомнишь сегодняшний день!

– А что случилось?

– Сам знаешь! – замполит был в бешенстве.

Конституцию нам конспектировать не пришлось, но я приобрел «заклятого друга». Этот день я действительно вспомнил спустя примерно месяц. Наш РПК СН готовился к выходу в море. Шли авральные работы, грузились продукты, торпедный боезапас, секретчик пополнял свои «закрома», мотаясь между штабом дивизии, штабом флотилии и субмариной с какими-то объемными запечатанными пакетами. В тот момент, когда я по своим трюмным делам шел из кормы в нос, на проходную палубу третьего отсека спустился наш командир, контр-адмирал Фролов. Он был в шинели, от него веяло морозом, он был явно не в духе, что свидетельствовало о том, что он прибыл прямиком из штаба. Я остановился, пропуская адмирала. В этот момент из своего закутка выскочил секретчик, старшина 1 статьи.

– Товарищ командир! Приказ министра обороны, только что из штаба дивизии.

Фролов чертыхнулся, но остановился и взял листок из рук Сергея. В спокойной обстановке Виктор Павлович обычно пользовался очками для чтения, в тусклом свете проходной палубы его попытки прочитывать текст на расстоянии вытянутой руки успехом не увенчались. Я и старшина 1 статьи терпеливо ждали, впрочем, обойти командира и секретчика в узком проходе мне было все равно нереально, а последний ждал дальнейших указаний. Еще раз вспомнив чьих-то родственников, командир протянул приказ министра обороны мне и скорее попросил, чем приказал: «Прочитай вслух».

Номер приказа, если мне память не изменяет, был 160, он предписывал сократить до минимума количество служебных бумаг и прекратить «бумаготворчество» (я впервые столкнулся с таким термином), о чем, естественно, доложить по команде в письменном виде. Фролов на секунду задумался.

– Тенгиз, возьми тетрадку за 2 копейки... – для молодежи: я не ошибся, тогда действительно были такие цены. – Сделай выписку из приказа и доведи под роспись до всех офицеров.

– Товарищ командир! Ваш приказ противоречит приказу Министра обороны! Он приказывает сократить количество бумаг, а вы – завести целую тетрадку!

Контр-адмирал возмутился наглости лейтенанта.

– Выполнять! Немедленно! Если хотите, можете обжаловать мой приказ в вышестоящие инстанции, но только после его исполнения и в письменном виде! Кстати, тем самым са-

ми нарушите приказ Министра обороны, можете заодно пожаловаться и на себя, – Виктор Павлович не был лишен чувства юмора.

Мне оставалось только ответить: «Есть!» – и повернуть назад, в пятый отсек, где располагалась моя каюта, за тетрадкой, но допустить, чтобы последнее слово осталось не за мной, я не мог в принципе. Когда тяжелая переборочная дверь надежно отделила меня от 3 отсека и командира, я, проходя по верхней палубе 4 отсека, позволил себе процитировать вслух (по памяти и близко к тексту) Ф. Энгельса:

– Правильно говорят, что если армия не воевала 10 лет, то превращается в бюрократический аппарат!

Я был доволен хоть тем, что высказался по данному вопросу. Высказывание своих мыслей вслух в нашем государстве всегда было чревато непредсказуемыми последствиями, поэтому отсутствие видимых слушателей в 4-м отсеке меня скорее порадовало, чем расстроило. Как я заблуждался! Моя бабушка, Анна Николаевна Борисова (светлая ей память!), потомственная дворянка, пережившая две революции, репрессии 30-х, 40-х, и 50-х годов, потерявшая мужа, известного писателя, в печально знаменитом 37-м, всегда меня предупреждала, что и стены (в данном случае – переборки) имеют уши. Я на собственном опыте убедился, что в нашей стране нарушаются законы физики – скорость «стука» многократно превышает скорость звука. По сей день не знаю, кто меня тогда «заложил», точнее, как тогда гово-

рили, «проявил бдительность».

Забыл сказать, что все время, прошедшее с вышеупомянутого политзанятия, замполит в буквальном смысле этого выражения «дышал мне в затылок», ожидая любой оплошности с моей стороны или со стороны моих подчиненных. Ему был нужен только повод, а уж что-что, а расправляться с неудобными политорганы всегда умели. Правда, расстрел перед строем, как в первые годы советской власти, или пуля в затылок, как в 30-е, мне уже не грозили, но при большом желании и некотором старании любой замполит мог добиться исключения неудобного офицера (после ряда выговоров с занесением в личное дело и без оногo) из рядов КПСС, что автоматически влекло за собой списание с РПК СН – на стратегических ракетноносцах пионеры и беспартийные не служили.

Когда отворилась дверь каюты, я разлиновывал тетрадку, вспоминая известную поговорку о том, что произойдет, если поручить дураку молиться. На пороге стоял мой «заклятый друг» в шинели. Лицо замполита сияло лучезарной улыбкой. Мне показалось, что у него не 32 зуба, как у нормального человека, а по меньшей мере 700, как у белой акулы.

– Тенгиз Николаевич, будьте так любезны, собирайтесь, пойдете со мной. Я жду Вас на корне пирса, – капитан 3 ранга был изысканно вежлив.

– А что произошло? У меня сейчас начинается проворачивание механизмов.

– Ничего, я с механиком договорился. А что произошло – узнаете на месте, – замполит закрыл за собой дверь.

Еще не зная, что произошло, я понял одно – мне каюк.

Быстро переодевшись, выскочил на пирс. Полтора километра до штаба дивизии мы прошли молча. Когда миновали особый отдел при КГБ СССР, мне стало легче на душе. Так же молча поднялись на второй этаж, где располагался политотдел дивизии. Оставив меня перед дверью начпо, каптри вошел в кабинет. Последующие десять минут показались мне вечностью. Мысленно еще раз перебрал все свои прегрешения, но ничего достойного внимания столь высокого начальства не припомнил. Когда замполит торжественно распахнул дверь кабинета, ослепительная улыбка все еще украшала его лицо, а манеры были столь же безупречны, хотя в голосе явно чувствовалась издевка:

– Тенгиз Николаевич, прошу!

Я не успел переступить порог, как вздрогнул от удара кулака по столу. Стакан с карандашами и настольный календарь подпрыгнули.

– Товарищ лейтенант! Я отдам Вас под трибунал! – начпо явно не шутил, и мне стало не по себе.

– За что, товарищ капитан 1 ранга?

– За нарушение самого святого, что у нас есть – нашей новой конституции! Не успели на ней еще высохнуть чернила, а Вы ее уже нарушили! Конституция, которую с такой надеждой ждал весь советский народ!.. – начпо понесло – Я не по-

смотрю, что Вы с отличного экипажа, отличник БП и ПП! Отдам под трибунал, чтобы другим неповадно было!

– Товарищ капитан 1 ранга! Я не припомню, чтобы нарушил какой-либо закон, тем более – конституцию! – я окончательно успокоился, понимая, что все вышесказанное не имеет ко мне никакого отношения и налицо явное недоразумение.

– Хорошо! Вы знаете, что агитация за войну по новой конституции является уголовным преступлением?! – Виктор Иванович изменил тактику.

– Знаю, товарищ капитан 1 ранга, но еще раз повторяю: что-то не припомню, чтобы я агитировал за войну!

– Как же так? Вы только что во всеуслышание заявили, что если армия не воевала 10 лет – превращается в бюрократическую машину! Мы не воюем более 30 лет! Значит, мы уже совсем обюрократились? Так что, в угоду Вам надо срочно начинать боевые действия? Что Вы молчите? Нечего сказать? Будете утверждать, что Вы этого не говорили?! Отвечайте! Это Ваши слова?

– Разумеется, нет, товарищ капитан 1 ранга. Это слова Фридриха Энгельса!

Повисла напряженная тишина. Виктор Иванович медленно багровел. Мой замполит, напротив, стал белым как мел и начал зеленеть. Я еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

– Выйдите в коридор и подождите! – начпо выразительно

посмотрел на капитана 3 ранга.

Выйдя из кабинета и плотно прикрыв за собой дверь, я дал волю чувствам, рассмеявшись, правда, беззвучно. Настроенное было просто великолепное. За дверью стояла полная тишина, шло совещание. Погруженный в свои мысли, я не заметил, как она вновь приоткрылась. На лице каптри застыла маска утопленника, пролежавшего под водой по меньшей мере месяц.

– Заходите.

Голос был сдавленный, что с «чувством глубокого удовлетворения», как писали в те годы наши газеты, отметило мое сознание.

Мое повторное появление в кабинете начпо уже не сопровождалось звуковыми эффектами. Лицо и шея Виктора Ивановича немного посветлели, но все еще оставались пунцовыми.

– Энгельс, говоришь? Найдешь – твоё счастье!

Кивок головы в сторону книжного шкафа. Проследив направление начальственного кивка, я уткнулся взглядом в полное собрание сочинений В. И. Ленина. Чуть ниже на полке стояли труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Незадолго до описываемых событий я сдавал кандидатский минимум, в том числе и экзамен по марксистско-ленинской философии. Готовясь к последнему, мне пришлось перечитать и изучить много первоисточников, в том числе и «Антидюринг» Ф. Энгельса, поэтому поиск нужной цитаты не занял много вре-

мени, но я, каюсь, намеренно оттягивал момент своего триумфа, наблюдая за мрачными, напряженными лицами политработников. Наконец, я торжественно положил раскрытый на нужной странице том сочинений Ф. Энгельса перед Виктором Ивановичем. Дословно цитата звучала так: «Любая армия, проведя в мирных условиях 10 лет, превращается в бюрократический аппарат и утопает в бумагах». Прошло около 28 лет, возможно, я переставил пару слов местами, но суть от этого не пострадала, гарантирую.

Начпо медленно прочитал указанные ему строки. Поднял глаза и пристально посмотрел на меня. Я стоял по стойке «смирно», но лицо и глаза по всей вероятности выдавали мои чувства. Начпо снова углубился в нетленную литературу. Перечитал. Поднял голову и посмотрел, на этот раз – на замполита. Если бы можно было испепелять взглядом, на месте капитана 3 ранга явно не осталось бы ничего, кроме горстки пепла, впрочем, последний явно предпочел бы подобный исход, судя по обильному поту, выступившему у него на лбу и висках. Начпо перечитал абзац в третий раз. Резко оттолкнувшись от стола, встал. Было очевидно, что он нашел какой-то выход из сложившегося положения. Обойдя стол, Виктор Иванович обнял меня за плечо и повел к дверям.

– Тенгиз, молодец, что изучаешь первоисточники, но применяешь ты их неправильно. В данном, конкретном случае... – мы остановились около дверей, – работа была напи-

сана в то время, когда еще не было *армии социалистического типа*, так что к нам данное высказывание отношения не имеет. Тебе понятно?

Клянусь, я стал уважать начпо намного больше. Найти в течении одной минуты такой элегантний выход из столь щекотливой ситуации мог только незаурядный человек. Поняв, что гроза миновала, я попытался слабо возразить, скорее для проформы, чем из принципа:

– Виктор Иванович! – теперь можно было и по отчеству. – Но ведь Энгельс прямо пишет: *любая армия!*

– Эх молодость, молодость! Правильно, *любая существующая на момент написания данной работы армия. Армии социалистического типа тогда не существовало.* Понятно? Не расстраивайся, все ошибаются. Это ничего, ты еще молодой, научись читать между строк. Беги на лодку, вам скоро отходить, – голос, лицо и вся фигура начпо просто излучали доброту.

Закрывая за собой дверь кабинета, я услышал рев раненого бизона. Конечно, я должен был бы поспешить на свой атомоход, но невольно притормозил. Подслушивать под дверь я никогда бы не стал, но здесь и не было такой необходимости: голос каперанга было прекрасно слышно и в конце коридора. Я никогда не использовал ненормативной лексики (и не собираюсь), но по долгу службы и в повседневной жизни постоянно слышал непарламентские выражения от людей разных рангов и социального положения – от матросов до ад-

миралов флота, и от дворника до... до самого «верха», одним словом, но столь изысканных выражений, произнесенных с таким чувством, – не доводилось ни до, ни после.

Дождаться конца разноса я не стал, хотя, чего греха таить, очень хотелось.

По всей вероятности, механик и командир были в курсе происходящих событий, ибо крайне удивились, увидев меня, прибывшего на лодку без замполита, да еще и в прекрасном расположении духа, однако расспросов не последовало. Замполит проскользнул на борт перед самым отходом лодки. Вид у него был далеко не бравый. Последующие месяцы он явно старался меня избегать. Насколько я понял, его тоже никто никогда и ни о чем не расспрашивал, сам же он, разумеется, не распространялся о том фиаско, которое потерпел в этой схватке.

Тем не менее история стала достоянием гласности. О ней знали многие, но все делали вид, что ничего не произошло. Я тоже помалкивал – таковы были правила игры. Только спустя много лет, уже в другом государстве, я рассказал о том, как меня пытались сделать «стрелочником», близким друзьям, по просьбе которых и передаю сейчас эту историю на суд обществу, не будучи, впрочем, уверенным, что она хоть кого-либо сейчас заинтересует.

Когда скорость «стука» превышает скорость звука

– Петька, что ты пишешь?

– Оперу, Василий Иванович.

– И про меня?

– И про Вас, и про Анку, и про Фурманова.

– А про себя пишешь?

– Нет, опер сказал только про вас написать.

Не так давно, вылетая из Санкт-Петербурга в Москву, мне, как и сотне прочих пассажиров, пришлось пройти «проверку» в аэропорту на наличие запрещенных к провозу предметов. Был холодный декабрьский день, грязная снежная каша на улице, а нас заставили снять не только верхнюю одежду, но и обувь. Толпа будущих пассажиров зябко ежилась от холода, стоя в носках на грязной ковровой дорожке в здании аэропорта, пока наши пальто, дубленки и грязная обувь подвергались рентгеноскопии. Какой-то замминистра внутренних дел под новый, 2006 год, с гордостью заявил с телевизионных экранов на всю страну, что в аэропортах выстроено 5 (пять!) заслонов на пути террористов и что «они не пройдут!». Глядя на процедуру досмотра мне было и смешно, и грустно одновременно. Такая, с позволения сказать, «проверка» способна выявить только террори-

ста с весьма ограниченными умственными способностями, если не сказать открытым текстом – полного кретина, хотя даже такой субъект задумается, прежде чем попытается пронести в салон самолета пистолет или автомат. Что же касается холодного, химического, бактериологического и радиологического оружия и взрывчатки, то тут возможны нюансы. Еще в конце 30-х годов, когда впервые стали применяться для обеспечения безопасности ВИП-персон металлодетекторы, нацистские диверсионные подразделения стали снабжать кинжалами из закаленного стекла, блестяще справляющимися со своими «прямыми обязанностями». Оружие «гримировалось» под вполне безобидные предметы, от тростей и зонтов до гребней в высоких женских прическах. С тех пор прошло 70 лет. Технические возможности рыцарей «плаща и кинжала» расширились до невероятных пределов. Террористы-профессионалы экипированы не намного хуже штатных шпионов. Взрывчатка, яды, радиоактивные вещества легко камуфлируются под вполне безобидные предметы, и обнаружить их путем просвечивания грязной обуви вряд ли удастся. Ну да бог с ними, службами обеспечения безопасности авиаперевозок, пусть развлекаются. Наблюдая за их работой, я прикинул с десятков безотказных вариантов проноса на борт предметов, способных сильно осложнить жизнь не только пассажирам и экипажу, но и весьма высокопоставленным начальникам. Из понятных соображений я делиться вслух своими мыслями не со-

бираюсь, но объективности ради скажу, что в зарубежных аэропортах, где мне довелось побывать и проходить проверку при посадке в авиалайнеры, дела обстоят аналогичным образом. Конфисковываются маникюрные ножницы, пилки для ногтей, но никто не интересуется содержимым термосов, ноутбуков и т. д. ИБД – имитация бурной деятельности, и все. Честно говоря, если технически грамотный, психически уравновешенный человек задастся целью пронести на борт запрещенный предмет, он этого добьется, и никакая служба безопасности ему помешать в этом будет не в состоянии. Вы можете спросить, а как же таможня выявляет уйму ценностей, валюты, антиквариата и т. д. при таком пассажиропотоке? Задам встречный вопрос – а как же вывозится из страны такое количество денег и раритетов? Если исключить дилетантов и недоразвитых умственно контрабандистов и террористов, то в основном их поимка – это заслуга спецслужб, которые, имея оперативную информацию о готовящемся преступлении, делятся ею с заинтересованными коллегами. Нет предварительной информации? Поимка преступника дело случая или ошибки самого возмутителя спокойствия.

Феноменальные успехи КГБ СССР в первую очередь определялись не столько блестящей работой его сотрудников, сколько всеобщим «проявлением бдительности» простым населением. Как говорил мой дядя: «Что же ты хочешь, это страна Павликов Морозовых». Я воспитывался

в семье, где слово «честь» было превыше всего. Особенно это касалось офицерской чести. Многие из моих предков были офицерами царской армии, и те из них, кто дожил до 1930-х, были репрессированы и расстреляны как «враги народа», но дух их в семье остался. Краугольным камнем офицерской чести в их времена было полное неприятие наушничества, доноительства и прочего проявления «бдительности» и выслуживания перед начальством. С победой революции 1917 года, или, точнее, с государственным переворотом 1917 года и упразднением царской армии, когда был уничтожен или изгнан за пределы родины офицерский корпус, состоящий в основном из дворян, и формированием рабоче-крестьянской Красной армии, понятие чести вообще и офицерской в частности было, мягко говоря, несколько деформировано. Впервые я столкнулся со «стукачами» в Высшем военно-морском инженерном ордена Ленина училище им. Ф. Э. Дзержинского. Блестящий профессорско-преподавательский состав, лучшие традиции русского флота и... сплошное «закладывание». Начальство знало абсолютно все. Любое слово, даже брошенное невзначай, в сердцах, казалось бы, в совершенно пустом помещении, становилось известно «кому надо». Обжегшись несколько раз подобным образом, я научился скрывать свои мысли, благо их пока еще не научились читать, и зарекся общаться с товарищами на «скользкие» темы. Отдельных стукачей мы знали, но часто начальству становились известны по-

дробности происшествий, вроде бы не имевших свидетелей. Я замкнулся окончательно. Нет, внешне я оставался вполне коммуникабельным молодым человеком, но контролировал, точнее – старался контролировать каждое свое слово. Как сказал Наполеон, «если моя шляпа узнает мои мысли – я ее сожгу». Такую двойную жизнь вели очень многие. Не подумайте дурного – я не хочу сказать (как сейчас принято повсеместно), что все поголовно были диссидентами, нет. Напротив, все мы были и остаемся по сей день патриотами своей Родины, но быть истинным патриотом и кричать «одобрямс» – это далеко не одно и то же. Просто сокрытие своих мыслей во все времена было главнейшим условием выживания мыслящего человека на просторах нашей необъятной России. Когда я с грустью поделился своими наблюдениями с дядей, он, обладая тонким чувством юмора и сам неоднократно страдавший от излишней «бдительности» своего окружения, спросил: «А что же ты хотел? Училище, оно, конечно, военно-морское, но имени кого? Чекиста Дзержинского. Все понятно?» Мне было все понятно... Увы, дело было не в названии, а в системе.

Окончив училище, я попал служить на Северный флот. 41-я дивизия ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПК СН) располагалась в поселке Островная, о которой один матрос красочно писал домой (данные 100%-ной перлюстрации, которыми потрясал наш замполит): «Мама, куда я попал?! Здесь нет земли – здесь одни скалы. Здесь

нет воды – здесь одно море. Здесь нет людей – здесь одни офицеры...» Стоит ли говорить, какого расцвета достигло «стукачество» в нашей передовой военно-морской базе? Говорить вслух можно было только об успехах советской власти, мощи нашей славной армии и военно-морского флота, о женщинах и любви советского народа к коммунистической партии. На каждый выход в море с нами отправлялся представитель особого отдела при КГБ СССР, очевидно, чтобы ловить шпионов под водой среди экипажа субмарины. Государство было построено на принципе презумпции виновности: под подозрением все, пока они не доказали обратного. За «особистами» тоже присматривали соответствующие товарищи из их «альма матер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.